

Аватар судьбы

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Аватар судьбы

Анна и Сергей Литвиновы

Агент секретной службы #7

Когда Варя Кононова предложила своему возлюбленному Алексею Данилову провести отпуск на заброшенной черноморской турбазе в компании новых друзей, он сразу понял: это нужно ей в интересах работы. Ведь недаром Данилов – мощный экстрасенс, а Кононова – сотрудница засекреченной спецслужбы, изучающей всё странное и непознанное. Отдых проходил прекрасно, непонятно только, почему компания, в которой они оказались, запрещает пользоваться мобильными телефонами и на дух не переносит Интернет? И зачем руководителю этой группы, полковнику в отставке Зубцову, понадобились уникальные способности Алексея? Однако Варя даже не успела доложить о происходящем своему начальнику Петренко, как на мирных отдыхающих обрушился спецназ. К счастью, троим – Данилову, Варе и Зубцову – удалось ускользнуть. И бархатное ничегонеделанье неожиданно обращается для них в погоню за разгадкой самых жгучих тайн недавнего прошлого...

Анна и Сергей Литвиновы

Аватар судьбы

© Литвинов С. В., Литвинова А. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Роман, равно как все его части, является плодом вымысла авторов. Любое сходство характеров/ситуаций/обстоятельств, а также имен героев и географических названий с реальностью является исключительно случайным и лежит целиком и полностью на совести читателя.

Всякое упоминание реально существующего или существовавшего лица объясняется лишь художническими задачами – оно является в конечном счете продуктом авторского воображения и ни в коем случае не должно быть расценено как попытка принизить его (лица) заслуги и достижения.

Наши дни

Полковник Петренко

На длинные июньские выходные полковник Петренко решил отправиться в Питер. Вместе с любимыми девочками – женой Олечкой и дочкой Юлечкой. Вроде ситуация в стране и мире была хоть и непростой, однако не предвещала ничего, что требовало его непременно присутствия в столице. А в городе на Неве, откуда он и его барышни были родом, они, все вместе, не бывали, почитай, лет десять. Полковник сам в командировки туда мотался – неоднократно. Олечка бывала еще чаще – навещала тещеньку, подружек, улаживала проблемы с квартирой. Даже Юльку они отпускали с друзьями – напиться благородной северной культурой и порезвиться. А вот втроем – он даже запомнил, когда ездили. Да и вообще, вместе не отдыхали, можно сказать, целую вечность: все служба его непростая виновата, то спецоперация, то усиление, то доклад первому лицу.

Хотя все условия для пребывания в Питере у них имелись. За семьей числилась целая четырехкомнатная квартира в старом фонде, на Лиговке, бывшая коммуналка. Правда, запущенная. Без ремонта обходившаяся чуть не с тридцатых годов. Меж ним и Олей было уговорено: когда полковник уйдет в отставку, они вернутся на родину, в Северную Пальмиру. Деньжат поднакопив,

приведут жилище в порядок. Купят хороший паркет, сантехнику и обои. Наймут мастеров. Да они и сами белоручками не были. Оля могла обои наклеить, плитку уложить. А Петренко с сантехникой и электрикой прекрасно управлялся.

Можно было, конечно, в фатеру жильцов пустить, получать неплохой профит – вдобавок к невеликому полковничьему денежному довольствию и Олечкиному библиотечарскому жалованью. Однако они совсем не крохоборы были, скорее, бессребреники. К тому же противно: кто-то совершенно посторонний будет в их жилище ютиться, на диванах спать, в ванной намываться. И недостойно (Петренко считал) для российского офицера, начальника сверхсекретной комиссии, сдавать собственное жилье внаем, словно он барыга какой-нибудь. Вот и пустовало жилище близ Московского вокзала – их нечастых визитов дожидалось.

К нынешней поездке Олечка прекрасно подготовилась: заказала билеты в театр Додина и «Мариинку», разузнала, какие выставки будут в Русском музее и Эрмитаже, навела через подружек справки, в каких кафе можно столоваться вкусно и недорого.

Поэтому прожили три дня в родном городе, словно туристы. Даже специально друзьям-однокашникам не сообщали, что приезжают. Кроме обязательной музейно-театральной программы, много гуляли. Июньский Питер и белые ночи прямо-таки зазывали на проспекты, в сады и парки. Летний сад, правда, в обновленном виде совершенно им не понравился, обплевались. Зато Таврический и возрожденная Новая Голландия оказались выше всяких похвал. Вдобавок на катерке по Мойке-Фонтанке и каналам катались, на «ракете» в Петродворец выезжали. Погода царила роскошная: солнце долго не скрывалось за горизонтом, влажный ветер с Балтики вымывал с прямых проспектов все автомобильные миазмы, и долгими, теплыми, светлыми вечерами радостные многоязыкие толпы сидели на Невском за столиками, как на каком-нибудь Монмартре.

Всем поездка выдалась удачной, единственное – дочь, первокурсница Юлия, временами (по выражению Олечки) их обоих выбешивала. Петренко сам старался не обращать внимания, не раздражаться – но не получалось, и он, чтобы не вносить раздор в семью, возбуждался, но не возмущался, а только зубами порой скрипел. И все потому, что создавалось впечатление: отроковица вроде бы с ними, в семье находится, наслаждается, как они, красотами и культурным богатством Питера – а на деле пребывает где-то далеко-далеко.

Ни на долю секунды, казалось, Юлечка не отрывалась от своего смартфона. Стоит присесть на минутку – в кафе, на лавочку в Петродворце, на скамейку катера, везущего по Мойке-Фонтанке, – телефон тут как тут. Юлечка ныряет в Сеть, включает службу быстрых сообщений – и только «месседжи» блямкают, и пальцы по виртуальной клавиатуре порхают. Непрерывное идет общение с посторонними гражданами и гражданками. Как будто они не втроем, своей маленькой дружной семейкой отдыхают – а с ними таскается огромный хвост разнообразнейших Юлькиных друзей! Честно говоря, полковника только мудрая супруга и удерживала от того, чтобы не взорваться, не наорать на дочь, не вырвать телефон и не зашвырнуть его в канал. «Терпи, – исподволь уговаривала она мужа, пока юница не видит, и по плечу поглаживала, – время сейчас такое, она молодая, все они нынче в своих фейсбуках-инстаграммах сидят, лайки собирают!» Приходилось полковнику терпеть, стараться абстрагироваться.

В предпоследний день отправились на новую сцену «Мариинки» – девочкам, в особенности Оле, надо ведь было составить впечатление о недавно открытом сооружении. В итоге самому Петренко понравилось: чистенько, светло, эскалаторы. Отделка на Янтарную комнату намекает, питерскую красу. Однако рафинированная Олечка оказалась полна скептицизма: вокзал вокзалом! Дочка тоже, мамаше подражая, десяток нелицеприятных фоток интерьера и экстерьера сделала и, с соответствующими комментариями, в Сети разместила. На балете полковник благополучно вздремнул – имелась у него способность спать сидя, чуть не с открытыми глазами, не выдавая себя ни всхрапыванием, ни заваливаниями.

А вышли после спектакля на берег Крюкова канала – красота, еще светло, хоть время к одиннадцати, погодка теплая, радостная толпа вокруг – поэтому решили прогуляться пешком до Лиговки. Путь не близкий, да когда еще выдастся по летнему Питеру пройтись – ведь завтра вечером домой, в Первопрестольную, отправляться. Но не успели даже до Садовой дойти – вдруг звонок: подал голос личный петренковский служебный телефон, с которым никогда не полагалось расставаться (а полковник, в полную противоположность дочери, рад был куда-нибудь сотовые забросить и хотя бы в праздники о них не вспоминать!).

Звонил секретарь куратора – а это означало, что звонок суперсерьезный. Когда Петренко год назад назначали начальником сверхсекретной комиссии, он все гадал: кто станет теперь его непосредственным руководителем? Как будут строиться связи и отношения с начальством? Он издавна знал, что комиссия

подчинена непосредственно первому лицу, больше того, даже о ее существовании ведал только самый ограниченный круг лиц: президент, министр обороны, начальник Генерального штаба... Однако кто ей непосредственно управлял? Ведь не может быть, чтобы его, как начальника комиссии, каждый раз на доклад вызывало непосредственно первое лицо, не правда ли?

Так и случилось: президент делегировал свои полномочия в части руководства комиссией куратору – абсолютно надежному человеку из своего близкого окружения, довольно известному для того, чтобы его знали и боялись все служивые и чиновники, но не достаточно мелькавшему на телеэкранах, чтобы его ненавидела оппозиция или народ. На взгляд полковника, куратор – по имени Павел Андреевич Сухотин, а по должности заместитель главкома Совета национальной обороны – занимал четвертое-пятое место в окружении президента и имел к нему постоянный доступ. А это давало полную гарантию, что вопросы комиссии будут решаться на самом верху.

При первой же встрече куратор, умный, спокойный и дельный, полковнику Петренко понравился. С ним можно было работать. Единственная проблема – со временем у нового непосредственного начальника обстояло туго. Понадобится полковнику с ним встретиться – следует высказать свое пожелание секретарю и порой неделями ждать. А сам куратор, если ему нужно, вызывает на прием, как нарочно, в наиболее неудобное время. Например, как сейчас – в ночь на последний из длинных июньских выходных.

– Павел Андреевич ждет вас завтра у себя, на объекте два, в час дня, – молвил секретарь («объектом два» звалась в чиновничьем обиходе госдача куратора). – Доклада от вас не требуется, время беседы – пятнадцать минут. Куда за вами подать машину? – Так было меж ними принято: за Петренко заезжал один из автомобилей Сухотина, чтобы не морочиться с пропуском в особо охраняемую зону.

– Вы знаете, я сейчас в Петербурге нахожусь... – начал Петренко.

– Сейчас решим этот вопрос, – перебил его секретарь, – оставайтесь на линии.

В трубке заиграла музыка, как в каком-нибудь средней руки автосалоне. Через минуту секретарь снова подключился:

– Ваш поезд завтра. «Сапсан», в шесть сорок пять утра, билет будет в кассе номер тридцать восемь. Поезд прибывает на Ленинградский вокзал в десять тридцать. Я распоряжусь подать за вами машину в двенадцать – домой или в офис?

– Лучше на работу, – молвил Петренко, вовремя сообразив, что перед встречей с куратором надо по своей линии со свежими совсекретными сводками ознакомиться – мало ли что случилось, вдруг Павел Андреич спросит, а он и не знает.

Секретарь отключился, а полковник принялся звонить дежурному по комиссии – распорядиться, чтобы за ним прислали завтра разъездное авто на Ленинградский вокзал.

От своих он отстал шагов на десять, а когда нагнал, Олечка повернула к нему сочувственное лицо:

– Что, вызывают? – супруга у него всегда с пониманием относилась к службе, никогда не возмущалась тем, что его часто не бывает с семьей в праздники и выходные; и любой отпуск, как сейчас, могут испортить. Хорошо хоть, всего один день у него отобрали, а целых три они вместе, втроем, на родине провели.

* * *

Куратор, что характерно, пригласил Петренко пройтись. Встретил у входа в дом, коротко пожал руку, указал на вымощенную плиткой дорожку меж сосен. Скорей всего, желание провести разговор на воздухе означало, что беседа будет особо конфиденциальной. В доме Павла Андреича наверняка профилактически слушают – и служба охраны, наверное, и тайная полиция. А вот на открытом воздухе организовывать прослушку до сих пор технически сложно, поэтому тут писать Сухотина вряд ли будут без особых на то оснований. Тем страннее и мельче показался полковнику, по сравнению с этим соображением, завязавшийся разговор.

– Знаете ли вы, полковник, – начал куратор, – организацию, что именует себя «древлянами»? Что-то вроде секты или подпольной группы?

Петренко порылся в памяти, но ровным счетом ничего не вспомнил и честно сказал:

- Никак нет, не знаю. А должен?

- Думаю, должны.

- Виноват, исправлюсь.

Куратор поморщился.

- Только не надо обещать мне к завтраму подготовить доклад. У меня и у президента по линии других спецслужб информация об этих чудиках имеется. У меня к вам другое поручение. Вам, полковник, следует получить о древлянах информацию из самых первых рук. Кто такие, сколько их, декларируемые и действительные цели, кто за ними стоит. Замечу, что о себе секта предпочитает не распространяться. По-хорошему, вам, полковник, следует внедрить в эту организацию своего человека, по возможности, как можно ближе к лидеру. Справитесь?

- Я уверен, что справимся, Павел Андреевич, только один вопрос: почему вдруг мы? Вроде не комиссии это задача – религиозными или псевдорелигиозными сектами заниматься. Наше дело – все загадочное, таинственное, необычное...

- Охотно отвечу, почему вдруг вы. Дело в том, что руководителем секты является некто Зубцов. Знаете такого?

- Полковник Зубцов? – вытаращился Петренко. – Он раньше служил у нас, в комиссии?

- Вот именно, – кивнул куратор.

- Был начальником научно-исследовательского отдела, ушел в отставку году в двухтысячном...

- В девяносто девятом. Вы его знали?

– Так точно. Встречались.

– И какое у вас о нем мнение?

– Человек он умный, хитрый... Мне тогда казался служакой до мозга костей и, безусловно, человеком преданным. Впрочем, люди меняются.

– Вот и расскажете мне, каков он сейчас. Насколько я понимаю, раз Зубцов начальником отдела в комиссии служил, он к наивысшим тайнам страны был допущен? Например, о Посещении?

– Вероятно, был. Да что я говорю – наверняка был!

– То-то и оно. Не стал ли он свои знания нынче в личных целях использовать, а, полковник?

Петренко ничего не ответил, куратор выдержал паузу, а потом сказал:

– Вот об этом вы мне, Петренко, и доложите. Спешки особой, я думаю, нет. Но и не тяните. Надежно и безопасно внедрите к ним своего человека.

Они сделали круг по участку и снова вернулись к дому.

– Не смею вас дольше задерживать, – куратор протянул Петренко руку и поспешил внутрь особняка.

Полковник отправился к зданию, где сидела охрана госдачи. Сейчас его снова усадят в машину с мигалкой и отвезут, куда он скажет. Он решил вернуться в расположение комиссии и посмотреть имеющуюся во всех источниках информацию о Зубцове и древлянах. И подумать над тем, кого внедрять в секту. Впрочем, ответ на последний вопрос почему-то всплыл мгновенно и сам собой. И чем дольше полковник думал, тем очевиднее – делать так и никак иначе! – это решение становилось.

Несколько дней спустя

Варя Кононова

Никто и никогда не дарил ей столько радости и счастья, как Данилов.

И ни с кем она не испытывала столько терзаний и проблем, как с ним.

Дело, разумеется, заключалось не в том, что она была (как многие российские женщины) в душе мазохисткой. Когда возлюбленный бьет ее, пьет, обижает, изменяет – а она от этого только тащится и еще сильнее по отношению к нему растекается. Варя была душевно и физически абсолютно здорова (иначе бы ее просто не взяли служить в сверхсекретную комиссию). Да и Данилов несколько ее физически или морально не мучил, сознательно или даже нечаянно. Просто имелись между ними барьеры, которые мешали ей любить его навсегда, целиком, безоглядно. Начать с того, что она, встречаясь с Даниловым, самым прямым и непосредственным образом нарушала устав: все ж таки он являлся, ни больше ни меньше, объектом, который находился у комиссии в разработке. Пусть разработка и приостановлена. Пусть в данное время ничего предосудительного Алексей не совершает. Но, тем не менее, факт остается фактом: Данилов до сих пор числится в досье как один из потенциально угрожающих факторов. Если б любимый начальник, полковник Петренко, недавно ставший главой комиссии, узнал об их с Алешей связи, он бы по головке ее точно не погладил. До увольнения, наверно, дело бы не дошло – но выговор, а то и предупреждение о неполном служебном соответствии она бы точно схлопотала. И строгую указивку оставить Данилова в покое.

А оставлять ох как не хотелось! Пусть даже противоречие меж любовью и долгом оставалось не главным и даже не самым высоким барьером меж Лешей и Варей. Чего стоило иное: его немислимые, нечеловеческие способности! Сначала-то, конечно, страшно приятно, когда вдруг он вырастает у твоей постели с порезанной, истекающей соком грушей: пожалуйста, угощайся, дорогая. И только потом понимаешь: где-то в глубине сознания (а может, даже подсознания) ты ведь хотела именно грушу! И он – похоже, еще раньше тебя самой! – это желание, таящееся у тебя внутри, сосканировал и бросился выполнять. Бр-р-р! Это ведь ужас, если подумать! Жить – да хотя бы просто находиться рядом! – с человеком, который всю тебя, до самого донышка,

насквозь видит! А если ты вдруг чего дурного или совсем уж запретного захочешь?! Или подумает о нем плохо?

А скажешь ему про свои опасения – Данилов только хохочет: ерунда, выдумываешь ты все, что я мысли твои читаю, фантазируешь, у тебя воображение слишком развито! Я, говорит, специально, когда мы рядом, чтобы не смущать и даже случайно ничего не увидеть, ставлю полный блок. Образно говоря – в стакан с глухими стенками залезаю. И твои внутренние переживания, мысли и хотения для меня – полное табу. А если я вдруг догадываюсь о чем-нибудь, то это происходит, как бывает с любым, самым деревянным, обычным человеком – просто озарение любящего сердца. И не надо приписывать мне мефистофельские способности.

И хочется ему, конечно, верить – да не верится. И его магические способности для нее по-прежнему самая мощная и высокая преграда между ними. А возможные дети? Не то чтобы Варя их прямо так хотела-хотела, что жить спокойно не могла. Для нее все равно служба и любовь пока на первом месте оставались. Но она ведь уже не девочка. Как говорится, слегка за тридцать. Биологические часики тикают. Однако представить, что Алеша вдруг станет отцом ее сыночка или дочки, она никак не могла. А вдруг ребенок тоже необычным окажется? Положим, Данилов научился своими необычными способностями управлять, их на пользу себе, да и обществу, обращать. Однако сколько ему пришлось перед тем передраг пережить! Представить, что ребенок его таланты унаследует и, благодаря ее неразумности и недалекости, так же будет мучиться, она не могла.

Во всяком случае, когда Данилов недавно заикнулся, мол, не пора ли им жить вместе, она... О! Если бы на его месте был другой! Другой человек, которого она, естественно, любила бы так же сильно, как Алешеньку! Или хотя бы в половину меньше! Да Варя посчитала бы себя самой счастливой женщиной на земле! Она б ни секунды не сомневалась – бросилась со всех ног и перевезла к нему свои вещички. Но как только это предложил Данилов... Для начала с ней случился ступор: значит, он теперь будет все время ее слышать? И что она думает по поводу собственного целлюлита? Или слишком большой груди? Или его манеры разбрасывать по всем комнатам носки? Или что он никогда ее стряпню не расхваливает – принимает пищу, как должное, будто заказанную пиццу жрет, а она старалась, мучилась! Да мало ли еще в ее жизни бывает дел, соображений и фантазий, которые она хотела бы ото всех скрыть, а от него – тем более?! И на прямое предложение Данилова она столь же прямо ответила

то, что думала: «Нет, Алеша, прости, я не уверена, что смогу жить с тобой». А он, разумеется: «Почему?!» А она: «Я же тебе объясняла: мне всегда будет казаться, что ты сканируешь мои мысли, желания, чувства». А он (раздражаясь): «Я тебе тысячу раз говорил, что по отношению к тебе, благодаря огромному уважению, я никогда этого не делал, не делаю и делать не буду!»

- Но ведь если захочешь – сможешь делать?

- Смогу, но не буду.

- И все равно я буду чувствовать себя с тобой не в своей тарелке. Прости.

Он (постепенно закипая): «Значит, когда мы лежим вместе в постели, ты в своей тарелке? Или когда встречаемся раз в неделю и ходим в пиццерию или в кино – тебе тоже нормально? Даже хорошо, если я вдруг твои мысли-желания считываю? А жить вместе – никак? Ах, ах! Вдруг я увижу в тебе что-то ужасное – страшное – запретное!»

Послушали бы их со стороны – он просит ее жить вместе, она отнекивается, – подумали бы: сумасшедшая! Особенно если бы знали, что она любит его всем сердцем и больше жизни (извините за выпренность). Но сожительства с экстрасенсом никому не пожелаешь. Вдобавок первый барьер сразу поднимается – тот самый, под именем «чувство долга»: если они будут проживать в одной квартире, гораздо выше вероятность, что у нее на службе узнают, что она делит свою постель и сердце с тем, с кем даже встречаться ей ни в коем случае нельзя.

Вот в таких довольно растрепанных чувствах явилась в тот день на работу Варя Кононова. После вчерашней ссоры они с Даниловым хоть и помирились, и скрепили мир добрым сексом, да только ночевали по-прежнему отдельно: он у себя дома, она в своей квартире. А раз продолжалась меж ними антиномия, сиречь неразрешимое противоречие, и выхода из нее не было видно – с утра Варю все на службе раздражало. И повышенные меры секретности бесили: подумать только, двум офицерам на входе пропуск последовательно предъявлять, хоть оба прекрасно ее знают, а потом еще отпечаток пальца у лифта сканировать! И то, что сидят они в помещении без окон, в подвале, на глубине десятиэтажного дома – чтобы ни одна ядерная ракета не повредила, хотя нужны ли они хоть чьей-то ракете? И то, что кабинетик у нее крохотный,

и пребывает она весь день одна, лишь в экран компьютера впиливаясь. И то, что отделано присутствием деревом, с официозным шиком времен шестидесятых – а с тех пор в офисе комиссии ни разу ремонта и не делалось...

А тут еще начальник вызвал. Полковника Петренко Варя нежно любила (как начальника, разумеется, как начальника) и почитала справедливейшим существом на земле, однако нынче ей с ним ни видаться, ни разговаривать ни о чем не хотелось. Тем более понятно, что речь о службе пойдет, а у нее настроение – хоть рапорт об увольнении пиши.

Петренко, конечно, почувствовал ее угнетенно-раздраженное состояние – они почти пятнадцать лет вместе работают, никаких экстрасенсорных способностей не надобно, чтобы постичь собеседника. Однако служба есть служба, он только чаю попросил заварить да вазочку с конфетами из бара за панелями вытащил: «Лопай, Варвара, стимулируй мозговую деятельность, она нам очень понадобится». А потом завел разговор, из коего незаметно вытекло задание, сиречь – приказ: она, майор Кононова, должна под прикрытием внедриться в организацию неких «древлян», руководимую бывшим сотрудником комиссии Игорем Михайловичем Зубцовым.

– Зачем?! – прежде всего спросила Варя. Она была поражена.

Петренко указал наверх, в потолок – не моя, мол, идея, приказ с самого верха.

– Но почему вдруг нам, комиссии, интересны эти древляне?

– Объясню тебе, хоть и не должен этого делать. Зубцов ведь у нас служил. Он может использовать техники и технологии, которыми владеют наши офицеры, чтобы: а – вербовать новых членов; бэ – удерживать их в секте, вэ – готовить их к противоправным действиям. Выбирай, что тебе больше нравится.

– Чепуха какая! Да этим техникам сейчас любого на семинаре обучат – за две недели и пятьсот долларов.

– Вдобавок, – продолжил Петренко, – у него была высшая форма допуска – Зубцов осведомлен о самых важных гостайнах. Вдруг он начал разбалтывать сектантам то, что знает? Или вот-вот начнет разбалтывать?

– Но почему я, товарищ полковник? Я ведь совершенно не подготовлена! Никогда под прикрытием не работала. Больше того, даже представления не имею, как это делается.

– Ну, во?первых, работала, хотя сама об этом не знала[1 - Петренко имеет в виду историю, описанную в романе Анны и Сергея Литвиновых «Прогулки по краю пропасти»]. И прекрасно все получилось. А во?вторых, мы ведь тебя не в бандитскую группировку внедряем. Не во вражескую разведшколу. Мирная секта со своими легкими причудами.

– Почему же она тогда нас заинтересовала, раз мирная?

– Повторяю еще раз: заинтересовала не нас. Это приказ сверху. А почему именно ты, поясняю. К древлянам этим, как в спецслужбу, нельзя постучаться и записаться. Наоборот, подобных инициативщиков они как раз не берут, сторонятся. А вербуют, напротив, тех, кто им сам оказывается нужен. А нужны им бывают как раз люди: а – молодые, бэ – высокообразованные, вэ – с образованием не гуманитарным, а естественным, желательно высокого уровня, а ты у нас все-таки МГУ окончила, вычислительную математику и кибернетику...

– Сто лет назад это было... – упрямо пробухтела Варвара и поджала губы. Задание Петренко ей решительно не нравилось.

– Вдобавок, – гнул свое командир, – у тебя есть еще одна зацепка, которая древлянам может понравиться. Я дружка твоего имею в виду.

– Кого это? – выпалила Кононова и почувствовала, как краснеет.

– Данилова, экстрасенса.

Варя опустила голову и почувствовала, как краска заливает все ее лицо. А начальник как ни в чем не бывало продолжал:

– Разумеется, использовать твоего ясновидца нам можно только втемную, не раскрывая карт. Но мне отчего-то кажется, что его личность, особенно в сочетании с твоей, будет для древлян весьма привлекательна.

Она никак не смогла сохранить невозмутимый вид или сыграть непонимание. Типа: «Не ведаю, что вы, товарищ полковник, имеете в виду». А он ее внедряться под прикрытием заставляет! Да она спалится в два счета! И откуда Петренко узнал про Данилова?! Хотя, скорее, странно было бы, если бы не узнал. Даже удивительно, что выведал и выложил карты на стол так поздно.

– Не беспокойся, Варя, – понял ее состояние полковник, – кроме меня, о твоей связи с Даниловым никто не знает. Только люди, которые мне об этом доложили, – но никого больше они извещать не будут, я предупредил. А я, в свою очередь, тоже оставлю их рапорт без внимания. Потому что – видишь – неисповедимы пути Господни. И твой экстрасенс нам пригодился. Пусть втемную его, да используем.

– Что же прикажете мне делать? – с трудом разлепила губы Варвара. – Как внедряться? Если они, как вы говорите, инициативщиков не любят?

– А помнишь, как говорилось в известном фильме? – развеселился полковник. Ему явно понравилось, как быстренько он переиграл Варвару, буквально в два хода. Вот что значит обладать достаточной информацией! Петренко процитировал комедийное: – «Будьте больше на виду. Посидите в ресторане, потолкайтесь в комиссионках, сходите на рынок. На вокзал можно...»

Все бы ему зубоскалить! Нет, сегодня она никак не любила полковника – скорее, ненавидела! А он продолжал гнуть свое:

– А пока древляне на контакт не вышли, я распоряжусь, чтобы коллеги из тайной полиции обучили тебя азам работы под прикрытием: как выходить на связь, закладывать тайники, уходить от наружного наблюдения. Ничего сверхсложного в этом нет. Не боги горшки обжигают, Варвара, совсем не боги!

Прошло несколько месяцев

Данилов

Как ни впаривай Варю, что он от нее навсегда стаканом непрозрачным отгородился, и как ни старайся не читать в ней лишнего, все равно: если перед тобой лежит раскрытая книга, даже если не хочешь, все равно заметишь в ней фразу-другую. Так и он про переживший Варин образ жизни быстро понял: это для работы надо. Но был не против. Требуется ей почаще ходить на премьеры, вернисажи, даже в клубы ночные – ради бога. Главное, что они вместе и ничего запретного или аморального не совершают. Наоборот, стали чаще друг с дружкой встречаться – не раз-два в неделю, а все три-четыре. (Однако идею съехаться Алексей потихоньку замял, видя резко отрицательную, даже паническую реакцию подруги.) А раз больше виделись – значит, и в постели оказывались чаще, а быть с Варюшей в койке – красивой, откровенной в чувствах, деблоу – Данилову очень даже нравилось.

Потом, правда, в июле, что ли, случилось совсем для нее не характерное: они в клубе с парой познакомились. Наверное, тоже Варю по службе надо, понял он. Святослав и Елена – чета примерно их возраста, по образованию инженеры, однако он трудится продавцом автомобилей в салоне, она – глава фирмочки, которая шторы шьет для богатых квартир и особняков. В отличие от них, новые друзья женаты, целых семь, кажется, лет, но детьми пока не обзавелись.

Съездили к ним на дачу, за тридевять земель, в Калужскую область. Потом к себе супругов пригласили (загородной недвижимости ни у Данилова, ни у Кононовой не водилось, пришлось в ее квартире на Новослободской поляну накрывать). А вскоре совсем необычная для Вари идея возникла: а поедем со Святом (так все сокращенно называли нового знакомого) и Леной вместе отдыхать! Они большой компанией собираются. Занимают старую заброшенную базу отдыха на берегу Черного моря. Живут в домиках без удобств и палатках. Сами готовят, чуть не на костре. Наслаждаются отрывом от цивилизации.

Варю, хоть и генеральская дочь, по молодости отдыхать обожала дикарем: байдарки-катамараны-восхождения-походы. И теперь вроде бы загорелась: поедем да поедем со Святом и Леной. Данилов, будь он проще или ревнивей, может, заподозрил бы, что она Святославом увлеклась, но тут почувствовал: поездка Варюше опять-таки по работе потребовалась. А зачем понадобилась да почему – так глубоко старался не влезать. В конце концов, он ведь обещал ей соблюдать дистанцию, в ее святая святых не вваливаться, даже по приглашению, не говоря уж без оноу.

Плюс поездка сулила дополнительные бонусы: будут они неподалеку от Энска, родного города Данилова – появится шанс пройтись-прогуляться по милым сердцу и памяти улочкам, побывать на могилках отца-матери. Сводная сестра Алексея, Вероника Климова, переехала из Энска в областной центр, на поиски больших заработков, – поэтому ничто не мешало ему теперь посетить родину[2 - Об этом можно подробнее узнать в повести Анны и Сергея Литвиновых «В свободном падении».]

Сбор на юге наметили на первое сентября, когда как раз разъедутся по школам крикливые малолетние оболтусы. Ехать туда они с Варварой решили на машине Алексея. Заранее экипировались: купили палатку, тент, надувные матрацы, спальники, складные кресла, газовую плитку. Единственное требование, на котором категорически настаивала Варя, поставило Данилова в тупик: в компании, в которой они станут отдыхать, строжайшим образом запрещены сотовые телефоны, Интернет, спутниковое телевидение. «Поэтому никаких мобильных, планшетов, ноутбуков мы с собой ни в коем случае не берем», – ультимативно заявила она. «Почему?» – спросил он. «Не знаю. Такое правило», – ответила Варя.

Чего не сделаешь ради любимого человека! Пришлось оставить мобильные, да и планшет с ноутбуком, дома.

Варя

Когда бы не «гибэдэдэшники», таившиеся чуть не под каждым знаком ограничения скорости, дорога на юг была бы совсем прекрасной. Но Кононовой пришлось оставить дома, в сейфе, свои «вездеходные» корочки майора тайной полиции, равно как и любые иные предметы и записи, могущие идентифицировать ее как представительницу спецслужб. Она лишь заучила особый связной номер, по которому можно звонить в любое время дня и ночи. И, разумеется, телефон начальника – Сергея Александровича Петренко. Никакой иной связи с родной конторой за время так называемого отпуска не предусматривалось.

В первый день, в дороге, без сотовых телефонов, планшетов, ноутбуков и навигатора, Варя самой себе казалась юной и словно бы незащищенной, будто с ободранной шкуркой. Дорогу искали, как в старину, по карте. Когда спохватились гостиницу в Энке заказать, звонили туда по старинке,

из телефона-автомата. Да, непривычно было без гаджетов – однако так хорошо оказалось ехать вместе с Алешенькой, что она против воли своей подумала: вот бы он снова завел разговор о том, чтобы им жить вместе – пожалуй, наплевать, что он доказанный биоэнергооператор и мысли ее читает, сегодня она бы сказала: «Да, да, да, мой мальчик!»

Но он о любви больше не говорил – шептал на ухо, разве что, когда они на ночь остановились в мотеле под Ростовом, но это не считается.

И все равно поездка пока радовала. Засветло они приехали в портовый город Энск, вселились в гостиницу – ту самую, лучшую в городе, в которой Алешка проживал, когда она во второй раз в своей биографии его пасла. Поужинали в прекрасном ресторане, пошли прогуляться по набережной. Данилов показал ей дом, в котором жил мальчишкой, с мамочкой и папочкой – трехэтажный, старый, еще пленными немцами в конце сороковых построенный. Продемонстрировал окна квартиры на втором этаже с видом на порт и на море: «Здесь и отец мой вырос, Сергей Владиленович. А через сорок лет – я. Я ребенок поздний, ты знаешь».

– Может, зайдём? – предложила она. – Посмотрим, кто в твоей квартире живет сейчас? Как там все устроено?

Но он решительно отказался и помрачнел.

Назавтра Леша планировал съездить на кладбище, где похоронены были его родители. Потом собирались ехать на турбазу. Причем обставлена встреча была в духе шпионских романов: мобильников нет, месторасположение базы заранее не известно. Надо зайти в Энске на почту и получить письмо «до востребования», в котором будет изложено, куда ехать и как туда добраться. Краешком сознания Варя тревожилась, как бы в последний момент не оказалось, что это разводка, никаких древлян нет, а если даже есть, то они внезапно сорвались с крючка и выйти с ними на контакт никак не получится.

Но эти мысли не помешали ей вечером посидеть с Даниловым в ресторане на набережной, а потом улечься с ним в отеле в кровать размера «кинг сайз» и отдаться ему, как случалось только в отпуске, особенно бурно и безоглядно. А потом провалиться, словно в шахту, в ласковый и глубокий сон безо всяких сновидений.

Развилка?1

1951 год

Данилов

Алексей, в громадном номере Энской гостиницы, рядом с жаркой и роскошной Варварой, сразу благодарно заснувшей, вроде бы тоже отключился, однако сон его оказался совершенно необычным, даже и на сон нисколько не похожим.

Виденье было до чрезвычайности реалистичным, и никаких примет сна в нем не имелось: ни странных скачков во времени или пространстве, ни несуществующих фигур или явлений, ни сверхъярких, мучительных чувств – страха, паники или, напротив, наслаждения. Вдобавок сон оказался с предысторией – чего во снах обычно не бывает. Да еще протяженный – и во времени, и в пространстве. Своего рода кусок жизни, словно бы снятый на черно-белую пленку, слегка подернутую сепией, словно в кадрах раннего Германа или Тарковского. По стилистике изображение походило на «Иваново детство» – с поправкой на то, что действие происходило не на фронте, в селе или окопах (как там), а в городе. И, конечно, со сном роднило ощущение: ничего из того, что происходило в видении, слава богу, наяву не случилось. Просто не могло случиться.

Итак, действие происходит в 1951 году в СССР. Это Алексей знает точно. И события видятся как бы его глазами. Но он в то же время понимает, что сам тогда еще не родился. Однако на свет уже появился его отец. Ему как раз в ту пору двенадцать лет исполнилось, и он, Данилов-младший, наверное, и впрямь перевоплотился в него, потому что все события видит словно бы глазами мальчика. И зовут его Сережа, как отца. События вершатся здесь, в Энске, где отец Алексея и впрямь жил в пятьдесят первом. Однако штука заключается в том, что это не совсем то время и тот город, что существовали тогда в действительности. Он будто находится в другой, параллельной реальности, которая могла случиться – да не случилась. А может, и случилась, да только в ином измерении, в несовпадающем и недоступном мире, куда обычным смертным вход воспрещен, а вот Данилову нечаянно удалось пробраться.

Итак, ему, герою сна, двенадцать, как отцу в пятьдесят первом, и зовут его Сережа, как отца. Проживает он в той самой квартире в Энске, которую сегодня днем демонстрировал Варе. В той, которую помнит Данилов: в их родовом, так сказать, гнезде, где родился и он сам в 1979 году (или, точнее, куда его принесли из роддома). Только во сне-видении на дворе год пятьдесят первый, и жилище с точно таким, как наяву, расположением комнат обставлено в соответствии с тогдашними возможностями и модой (то есть крайне скудно). А именно: на кухне стоят самодельные, грубо сколоченные стол и табуретки. Пищевые продукты хранятся в сшитых вручную мешочках на открытых, также домодельных, полках. В спальне царят железные панцирные кровати. Украшением комнаты служит дореволюционный буфет, который является одновременно хранилищем тарелок и книжным шкафом. А вот – новость, даже по сравнению с общей скудностью пятидесятых годов: почти все окна в квартире лишены стекол. И для тепла заделаны листами фанеры, а кое-где попросту забиты досками. Стекло чудом сохранилось в единственном окне на кухне, потому что оно выходило во двор.

Закладывать окна фанерой и досками, заколачивать их, он помнит, пришлось ему самому вместе с мамой. Еще немного Лобзик помогал. Впрочем, у Лобзика квартира такая же, с выбитыми стеклами. И Данилов помнит, что он, в свою очередь, тоже подсоблял соседу и другу в закладке окон подручными материалами.

Отца – его зовут Владилен, как звали деда, – у Данилова нет. Как нет папани ни у Лобзика, ни у других парней из его класса или со двора. Он знает, что отец призван в армию, он сейчас на фронте. От него уже довольно долго нет никаких известий, и потому по ночам мама часто втихомолку плачет. От отца осталось несколько личных вещей: трофейный серебряный портсигар со свастикой на крышке, привезенный еще с прошлой войны, с немецкой. Мощный фонарик, тоже трофейный, тоже немецкий. И новенький радиоприемник, советский, под названием «Родина».

Радиоприемник отец купил еще до войны – до третьей войны, как говорят иногда, уточняя. То есть в коротком мирном промежутке между сорок пятым годом, когда мы победили фашистов, и нынешним, пятьдесят первым, когда началась новая схватка – с империалистами. Странно, что отцовское радио, которое ловит даже Новосибирск, до сих пор не реквизировали. Советские власти, когда началась война, видимо, не успели – слишком быстро ситуация стала разворачиваться не в нашу пользу. А оккупационным войскам, кажется,

на радиоприемник наплевать, – до того они уверены в себе и в собственной победе.

Жаль, что приемник на батарейках, а где их купить, непонятно. Во вновь открывающихся частных магазинах товаров, конечно, много – все импортные и дорогие, однако батареек Данилов как-то не находил. Правда, Лобзик обещал раздобыть трансформатор и переделать приемник, чтобы работал от сети. Было бы здорово, в конце концов, «Родина» – единственный источник правдивой информации о мире. Оккупационной газетке и оккупационному радио веры не было и раньше, а с момента, как Сережа Данилов отыскал на коротких волнах «Радио СССР», вещающее из Новосибирска, они для него и вовсе существовать перестали.

Вот и теперь: он шел из школы, а в душе зрело предвкушение: придет домой, сделает бутерброд с проклятой американской тушенкой и поймает волну, на которой вещает несломленное советское правительство сопротивления.

Выходя со школьного двора, Данилов послушно надел респиратор. Респираторы бесплатно раздавали оккупационные власти, в неограниченных количествах, и строго следили за тем, чтобы все население, а особенно дети, носили их, находясь на открытом воздухе. Ношение респираторов проверяли и патрули, и дружинники-полицаи с красно-сине-белыми повязками на рукавах. Да и любой взрослый, сотрудничающий с администрацией, мог сделать замечание или даже отволочь в полицейский участок. А полицаи составят протокол и выпишут на маму неслабый штраф в оккупационных долларах. Поэтому лучше, конечно, респиратор на рот и нос надвинуть, хоть и дышится в нем погано. Однако правду говорят, что он от радиации здорово помогает – а радиации в городе и в бухте нападало дай-дай, проклятые янки постарались. Теперь спасать нас от нее взялись, умники.

Данилов идет домой из школы по берегу бухты. На песке валяются, один за другим, выброшенные на берег и ставшие привычным пейзажем четыре советских корабля. Их вынесла чудовищная приливная волна, когда на входе в бухту янки взорвали атомный заряд.

Данилов хорошо помнит тот день. Совсем недавно объявили полную мобилизацию, и отец отправился с вещмешком в военкомат. Его даже не успели отправить на фронт, как начались воздушные тревоги. Однажды они с матерью и соседями по дому прятались в бомбоубежище – слава богу, после второй войны

пленные немцы выстроили его добротнo, с мощной вентиляцией и, как впоследствии оказалось, запасами питьевой воды и пищи. Сперва самолеты противника к городу не прорывались, и в небе господствовала советская авиация. Потом бомбы все-таки стали падать на порт, а затем и на город. В то время вести с фронта, еще по советскому радио из Москвы, приходили самые неутешительные. С тяжелыми боями оставлена Варшава... Прага... Дрезден... Злые языки говорили, что армии недавно созданных социалистических государств не только не чинили препятствий объединенным войскам НАТО, где главенствовали фашисты из бундесвера, но и, наоборот, массово сдавались и даже переходили на сторону оккупантов. Так случилось и с народной армией ГДР, и с Войском Польским, и чехословацкой армией. Стойко держали фронт только болгары и румыны. А иначе, как массовым предательством, невозможно было объяснить, что буквально за несколько дней натовцы заняли ГДР, Чехословакию, Польшу и пересекли западную границу Советского Союза.

То, что случилось потом, разные источники интерпретировали по-разному. Оккупационная пресса вещала, что Советы ударили первыми, когда поняли, что начали проигрывать. Однако Совинформюро в своих передачах из Новосибирска утверждало, что атомную войну развязали империалисты, сбросив ядерную бомбу на Киев. Как бы то ни было, сообщалось: когда войска НАТО ступили на советскую территорию, наши ракеты средней дальности и бомбардировщики прорвались сквозь натовскую противовоздушную оборону и доставили ядерные заряды по адресу. Для начала полоснули по проклятым реваншистам из ФРГ, превратив в руины и выжженную землю десятки городов, в том числе Гамбург, Дюссельдорф, Франкфурт, Кельн вместе с Бонном. Упали советские ядерные бомбы также на Антверпен и на порт Роттердам, на Рим и Неаполь. Несколько ракет перелетело даже через Ла-Манш, и разрушенными оказались Лондон, Ливерпуль и Манчестер.

К сожалению, к берегам Соединенных Штатов наши бомбардировщики не пробилась, а межконтинентальных ракет на вооружении советской стороны еще не было, только среднего радиуса действия. Вдобавок советские войска применили тактику выжженной земли. Они начали взрывать на своей территории тактические ядерные заряды на пути наступающих натовских войск. Сообщение об успешных атомных бомбардировках западных столиц было последним, что Данилов услышал по советскому радио из Москвы (отца к тому времени уже увезли на фронт).

Вскоре объявили очередную воздушную тревогу, они с мамой привычно поспешили в убежище, и в отдалении стали слышны звуки воздушного боя. А потом вдруг бабахнуло так, что Данилов временно оглох (и не мог полностью прийти в себя еще несколько недель), а по всему городу, как выяснилось впоследствии, вылетели окна, и все суда, находившиеся в бухте, затопило или выбросило на сушу. Вскоре после взрыва наступила звенящая тишина – а может, Данилов просто оглох. Имевшийся в бомбоубежище дозиметр показывал плавный рост уровня радиации – впрочем, пока не угрожавший здоровью.

Находившийся в бомбоубежище отставник старшина Егоров, инвалид, потерявший руку на второй войне, спустя несколько часов вооружился дозиметром и вышел из убежища. Вернувшись, рассказал: порт горит, его никто не тушит. Дом их, слава богу, цел, однако уровень радиации на поверхности таков, что более пятнадцати минут на открытом воздухе находиться опасно.

Новости обсудили всем убежищем и приняли решение – мама тут, как врач, отстаивала свою точку зрения непреклонно: из укрытия не выходить, оставаться внутри, покуда хватит запасов воды и пищи. Радио работать прекратило, и не действовало оно все десять дней, что они просидели взаперти. Однажды Данилов с Лобзиком, правда, пытались улизнуть, стянув противогазы, но, к несчастью, были пойманы и оштрафованы: три дня парням пришлось просидеть на воде и хлебе да решить по сто примеров из программы седьмого класса.

Егоров продолжал выходить на разведку. Рассказывал: уровень радиации падает, в городе тихо, однако никого из людей на улице нет, лишь валяется там и тут несколько трупов. А на одиннадцатые сутки он вернулся ошарашенным: власть в городе сменилась. Над горисполкомом подняли флаги США и НАТО, по улицам на джипах разъезжают американские патрули, в порту пришвартованы натовский сторожевик и транспортный корабль. Также везде разъезжают машины-поливалки, сметают грязь. В нескольких местах американские и итальянские солдаты раздают еду и респираторы. На стенах расклеены листовки на русском языке. Одну из них отставник сорвал и притащил с собой в укрытие. Все читали ее по очереди, плевались.

«Дорогие россияне (говорилось в листовке). Советское правительство низложено. Бывший диктатор страны, тиран и убийца Сталин застрелился. Так называемое Политбюро и бывшее советское правительство интернированы.

Вся власть в стране перешла к народному собранию, которое возглавил полковник Вершинин.

Война, которую развязала клика коммунистов, принесла российскому народу неисчислимы бедствия. Почти полностью разрушены Москва, Ленинград, Киев, Куйбышев, Саратов, Краснодар и многие другие города европейской территории страны. Сейчас перед нами, честными российскими людьми, стоит непростая задача: совместно с пришедшими нам на помощь войсками США и НАТО минимизировать последствия ракетно-ядерной войны и радиоактивного заражения. Я призываю вас, друзья мои, дорогие братья и сестры, всячески поддерживать временную оккупационную администрацию, выполнять все ее приказы и распоряжения. Не щадя своих сил трудиться там, куда определяют вас местные органы власти.

Нам предстоит огромная работа: расчистка завалов, дезактивация городов и природных богатств. В новых условиях следует научиться выращивать урожай, разводить птицу и скот. Но главная для нас ценность – это человеческая жизнь. Мы должны вырастить наших детей более счастливыми и сделать так, чтобы никогда на нашей святой земле не проросли вновь ядовитые семена ленинизма и советчины!»

– Коллаборационисты! – зло сплюнул инвалид Егоров. – Янки поганые! Человеческая жизнь для вас ценность?! Сперва полстраны поубивали, в руинах лежим – а теперь давай восстанавливай? Шиш вам!

Однако жить было как-то надо. А поскольку дозиметр показывал, что радиоактивность снизилась до приемлемого уровня, люди потихоньку стали выбираться из убежища, приводить в порядок дом и квартиры.

Мама отправилась на работу – как прежде, в детскую поликлинику. Практически весь ее персонал, женщины, вернулся на службу. Платить им стали в оккупационных долларах.

Многих детишек приводили на прием, по вечерам рассказывала мама, с острой лучевой болезнью – не каждому ведь, как им, повезло, чтобы в собственном доме имелось по всем правилам оборудованное бомбоубежище. Остальные в частном секторе по подвалам прятались, а иные фаталисты вообще не скрывались, когда объявляли воздушную тревогу. Они (и дети их) больше всего пострадали. Самых

тяжелых отправляли в госпиталь, который натовцы оборудовали в близлежащем Суджуке.

Начались занятия в школе. Учили Сережу и его товарищей все те же учительницы и по прежним, советским учебникам, только предмет «Конституция СССР» отменили. Да портреты Сталина и других членов Политбюро, ранее висевшие в классах, сожгли.

Над зданием горсовета теперь реяли три флага: США, НАТО и почему-то Италии. Впрочем, вскоре стало ясно, отчего стяг повесили итальянский: Энск попал в зону оккупации макаронников, и среди патрулей и натовских матросов на улицах, кроме американцев, преобладали конфетные чернявые красавцы с Апеннин.

Заработали оба городских зимних кинотеатра, «Москва» и «Украина». Показывать в них стали американскую хронику, а также голливудские фильмы. Кино было не трофейное, как раньше, а совсем новое, поэтому, конечно, недублированное и без субтитров. Однако довольно быстро в залах соорудили специальные будки для переводчиков, и они оттуда гундели в микрофон.

В магазинах торговали, как до войны, без карточек, однако рубли хождения больше не имели – только специальные оккупационные доллары: банкноты с портретами американских президентов, чтоб им пусто было, однако разноцветные – красные, синие, фиолетовые. На хлебозаводе стали выпекать хлеб, а остальная пища была завозная и, как правило, консервированная, длительного хранения: тушенка, консервированные сосиски, яичный порошок, сухое молоко.

Открылись два ресторана, но вход туда разрешили только оккупантам. И еще русским девчонкам-проституткам. Откуда-то их вынырнуло неожиданно много. Подумать только, ведь еще пару месяцев назад многие считались комсомолками, клялись в верности родине-партии-Сталину, а теперь, за шоколадку или шелковые чулки, готовы были ложиться в одну постель с захватчиками! Проститутки кучковались на набережной, и вечерами их собиралось там много, до двадцати штук. Нормальные жители города, мама в том числе, плевали им вслед – а им хоть бы что. Повиснут на штатовском матросе или итальянском офицеришке – и шмыг в ресторан. А иные, хуже того, под негров готовы ложиться! Самое обидное, что среди путан (так эти девки сами себя стали называть – на итальянский манер) появилась соседка Сережи

по лестничной площадке, Виолка, которая только в прошлом году восемь классов окончила. Она, конечно, гораздо старше его и совсем взрослая на вид, и ничего у Данилова с ней все равно не могло бы получиться, но раньше он ее из девчонок во дворе выделял. Да что там говорить – вожделем втихаря! Но теперь, после того как она вышла на панель, Виолетта для него перестала существовать. Он даже обдумывал (и с Лобзиком обсуждал), не плеснуть ли в продажных девчонок соляной кислотой (которую они бы стырили из кабинета химии), но потом отставил эту идею. Сопrotивляться подлым иноземцам надо, однако не путаны, по-своему довольно несчастные создания, должны быть главной мишенью.

В том, что далеко не все потеряно и биться с врагом необходимо, Данилов и его друг Лобзик были уверены. Их в этом приемник «Родина» убедил. Можете себе представить: однажды Сережа крутил ручку настройки и среди турецких, итальянских, англоязычных голосов и песен вдруг услышал голос самого Левитана! «Говорит Новосибирск, в эфире «Радио СССР», передаем сводку от Советского информбюро!» И из сводки явствует, что далеко не все для Советского Союза кончено! Политбюро и Совет Министров, которые возглавляет Никита Сергеевич Хрущев, временно руководят страной из Новосибирска. Тяжелые бои с империалистами идут на тюменском, челябинском, мурманском направлениях. Американскому десанту так и не удалось высадиться ни на Дальнем Востоке, ни на Камчатке, все атаки с воздуха и моря успешно отбиваются. В тылу врага ширится и крепнет настоящая партизанская война. Под откос пускают натовские поезда, партизаны нападают на автомобильные конвои и патрули противника.

Когда впервые Данилов «Радио СССР» услышал, он пришел в восторг. Пересказал маме, Лобзику. И они с другом – от мамаш, разумеется, втихаря – решили организовывать сопротивление. Левитан по Совинформбюро передавал для таких борцов инструкции: как, к примеру, приготовить «коктейль Молотова»: «Возьмите три части бензина или керосина, смешайте с одной частью любого масла, машинного или подсолнечного, и залейте в бутылку...» Или рассказывал, как соблюдать конспирацию и создавать подпольные «тройки» или «пятерки», а затем вредить оккупантам по-тихому: засыпать песок в баки с бензином, выводить из строя машины или оборудование.

В Энске, судя по всему, подпольщиков не водилось – ни листовок не встречалось, ни о диверсиях против захватчиков не слышно было. Видать, война развивалась настолько стремительно, что у них в городе партийные органы не успели

оставить подпольные группы и партизанские отряды. Значит, мальчикам предстояло действовать самостоятельно.

И они с Лобзиком начали. Однажды, когда матери были на дежурстве в поликлинике (а работали они вместе), ребята написали (от руки, но печатными буквами) штук тридцать листовок: «Смерть натовским оккупантам!» А ниже поведали населению правду о положении дел на фронтах – ведь не у всех есть такой замечательный радиоприемник «Родина», и люди ни о чем не знают. Просто не ведают о том, что СССР еще не погиб, как утверждают коллаборационисты, а сражается, и советское правительство руководит борьбой из Новосибирска, и геройские солдаты, офицеры, партизаны и подпольщики отчаянно бьются на фронтах и в тылу за свободу Родины.

Мальчики наварили кастрюльку клейстера, взяли кисти. Пробежали ночью по бывшей улице Советов (теперь Главной) и площади Героев (так и не переименованной). Лепили листовки на столбы, стены домов и заборы. Хоронились от патрулей. В городе действовал комендантский час, с двадцати трех часов и до шести утра, и если бы их поймали, да еще с листовками, им была бы крышка.

Другое дело, что завоеватели в тыловом городе, в окружении продажных шлюх и ресторанов, очевидно, расслабились. Да, по улице Советов (врете, никогда она не будет Главной!) проползали на малой скорости джипы с солдатами в белых касках, светили в разные стороны прожекторами. Но, во?первых, видно было и слышно захватчиков издалека, можно успеть спрятаться, а во?вторых, действовали натовцы нехотя, без рвения, по инструкции.

Правда, ходили по улицам доморощенные полисмены – русские гады, переметнувшиеся на сторону врага. Этим авто не доверяли, они шлялись на своих двоих и вооружены были старыми советскими винтовками или пистолетами «ТТ». Полицаи были гораздо лютее, чем военная полиция. Они, если попадешь к ним в руки, разбираться не станут. Шлепнут на месте – хотя бы даже за нарушение комендантского часа, бывали и такие случаи. Одно слово – предатели.

И все же на первый раз ребятам сошло с рук. Они все закоулки и проходные дворы в центре Энска знали. Чуть слышат чьи-то шаги на улице – сразу уматывают, не дожидаясь разбирательств.

Когда наутро Данилов шел в школу, специально крюк сделал, чтобы мимо развешанных листовок пройти. Кое-какие до сих пор висели, возле некоторых даже жители останавливались, читали, а одну, он сам видел, полицай с красно-сине-белой повязкой на руке зло содрал со стены аптеки.

А мама вечером, когда явилась с работы, сказала: «Говорят, на Советов кто-то листовки расклеил. Вроде бы почерк не взрослый. И листочки в клеточку», – и посмотрела выжидательно – вдруг Данилов похвастается-признается. А когда он сделал рожу кирпичом, пристально спросила: «Я надеюсь, это не ты?» – «Что ты, мама!» – очень правдоподобно воскликнул он. «Смотри, а не то подобные шутки могут кончиться очень печально. Бросят в концлагерь – и вся недолга. А то и расстреляют, не посмотрят, что несовершеннолетний».

Вылазку они с Лобзиком повторили еще раз и еще. Честно говоря, надеялись, что их найдут – не завоеватели, конечно, а, наоборот, подпольщики. Должно ведь все-таки быть в городе советское сопротивление! Об этом в книгах, что написаны были о прошлой войне, все время говорилось – в «Молодой гвардии», например: за борцами с «новым порядком» всегда стоит партия, она всем в тылу врага руководит.

Однако в Энке – нет, никакой подпольный горком на них внимания не обратил, приходилось действовать не только на свой страх и риск, но и по собственному разумению. Не дожидаясь ничьих приказов, они с Лобзиком в своей – подпольной мини-ячейке, состоявшей из них двоих, решили, что вести информационную борьбу против оккупантов необходимо, но недостаточно. Надо приступить к диверсионным актам.

Ни у одного из них даже не возникло сомнений, хватит ли им духу убивать людей. О чем тут говорить? Крошить проклятых захватчиков? Тех, которые топчут их землю? Заразили ее радиацией? Спят с их девчонками? Да никогда рука не дрогнет!

Как достать взрывчатку – тоже понятно. По химии у обоих «пятерка» была. А про взрывчатые вещества они с Лобзиком хоть на уроках и не проходили, но сами знали, как бомбу смастерить. И не надо никакого «коктейля Молотова», никакого бензина с маслом смешивать. Просто берешь три части вещества А, добавляешь одну часть вещества Б. Один из этих ингредиентов в кабинете химии, в лаборатории имеется. Другое в аптеке до сих пор свободно продается, им воду обеззараживают. Никому из врагов или коллаборационистов даже

в голову не пришло изъять – расслабились они. Оставалось купить одно, украсть второе, смешать, сделать фитиль, и... Бабахнет – будь здоров!

Однажды, когда химичка опрометчиво вышла из класса, не закрыв кабинет, они с Лобзиком пробрались в лабораторию и щедро отсыпали в изготовленные из бумаги кульки вещества А. Вещество Б было уже закуплено.

В тот же день пошли из школы не домой, все равно мамы на работе, а за город, к мысу Любви. Там принялись изготавливать бомбы, экспериментировать и тренироваться. Выбрали, в результате экспериментов, то количество взрывчатки, которое будет бить, по их солидарному мнению, наверняка, насмерть. Потом на квартире у Лобзика смастерили заряд. Приделали запал. Начинили бомбу гвоздями с обкусанными шляпками. К вечеру все было готово.

Мама опять дежурила – ей приходилось работать на две ставки, чтобы прокормить себя и сына. Заработок в оккупационных долларах у детского врача был крайне низким. Посему ничто не помешало Данилову выскользнуть во двор. Он кинул камешком в фанерное оконце Лобзику. Тот через минуту тоже вышел из подъезда.

Бомбу Данилов прятал под гимнастеркой. Они бросились к улице Советов. Респираторы, как и тогда, когда листовки клеили, надевать не стали – время ли думать о собственном здоровье, когда на такое дело идешь! Да и затрудняют маски дыхание – а если убежать придется?

План диверсии был таков. Еще когда прокламации клеили, они заметили: примерно раз в пятнадцать минут по улице Советов не спеша проползает «Виллис» с двумя янки на борту. Джип оснащен прожектором и пулеметом на турели. Когда машина едет по улице направо, к базару, американцы обычно светят и смотрят в правую от себя сторону. Когда идет налево, к бывшему пляжу, – в левую. Все у америкосов регламентировано. Хуже фрицев!

Мальчики будут прятаться за колоннами индустриального техникума. Когда машина пойдет к пляжу, оккупанты, соответственно, станут светить в противоположную от техникума сторону. Едва авто поравняется со зданием, бомбист выйдет из-за колонны, размахнется и швырнет свой смертоносный снаряд прямо в джип. Расстояние составит не больше десяти метров,

и промахнуться будет трудно. Но попал – не попал, разбираться они не планировали. Сразу – тикать через проходные дворы домой. А там – пусть ищут.

На том и порешили.

Выбежали из двора. Людей на улице не было, все-таки комендантский час. Но не видно и полицейских патрулей. Светомаскировка отменена, электричество в домах есть. Кое-где заново вставлены стекла. За занавесками идет частная жизнь советских людей – с ходу и не скажешь, что вокруг война, что оккупация. С моря задувал сильный ветер.

За пять минут ребята добежали до улицы Советов и притаились в тени техникума.

Машина с патрулем как раз проехала в сторону рынка и скоро пойдет обратно.

Бомбу взял себе Данилов и отдавать ее Лобзику не собирался.

И вот стало слышно мягкое тархтенье мотора. «Виллис» направился от рынка назад. Данилов вытащил снаряд, взял в правую руку, приладился. Самое сложное было выбрать момент, когда подпалить запал: надо, чтоб рвануло точно в момент, когда бомба угодит в джип – чтобы янки не успели ее отбросить. И чтобы раньше не грохнуло, в полете или, того хуже, в руках. Они много тренировались и решили, что оптимальным временем будет десять секунд. Поджигать станет Лобзик, когда «Виллис» поравняется с техникумом. А бросать – Сережа, когда автомобиль с оккупантами начнет от них удаляться.

Наконец джип, идущий со стороны базара и барахолки, поравнялся с ними. Яркий свет прожектора светил и впрямь в противоположную сторону улицы.

«Давай», – шепнул Данилов. Сердце колотилось. Лобзик щелкнул трофейной зажигалкой «Зиппо», которую потихоньку утащил у матери. Огонек не гас, мотался на ветру. Лобзик поднес пламя к фитилю. Фитиль загорелся, и Данилов начал отсчет: раз, два, три... На «пять» надо бросать. Он приноровился. Джип уползал от них. Он оказался гораздо дальше, чем он рассчитывал. Потребуется кидать изо всех сил, и то, может, не добросишь. В джипе двое иноземных военных. И впрямь – глядят и светят прожектором в другую сторону. Видны

только спины в кителях, перепоясанные белыми ремнями, и белые каски.

Надо не дать им уйти, и Данилов швырнул бомбу – чуть раньше, чем рассчитывал. И сразу понял: снаряд попадет точно в цель. Бывает такое после удачного броска в баскетболе или подачи в волейболе: мяч еще не долетел, а ты знаешь: он упадет, куда нужно! Но бомба – ах, черт! – разорвалась чуть раньше, чем они хотели, чем планировали, – не долетев метров трех до оккупантов, над их головами, немного в стороне от джипа. Ба-бах! Раздался такой взрыв, что Данилова и Лобзика на мгновение ослепило и оглушило, а в районе, где двигался «Виллис», сначала полыхнула ярчайшая вспышка, а затем набух белый ком дыма, из которого вылетали ярко-белые усы. За этим дымом не было видно, что происходит с вражескими солдатами, но Данилов решил не медлить ни секунды и не рассматривать.

Шарахнуло будь здоров, и через пять минут здесь наверняка будут другие патрули. А о результатах доложит народная молва. Агентство «ОГС» – «одна гражданка сказала» – обычно не ошибается.

Оба, Данилов и Лобзик, развернулись, чтобы бежать, и тут услышали окрик по-русски: «Стоять! Руки вверх!» Прямо перед ними, в цивильных пиджаках, но с красно-сине-белыми полисменскими повязками на рукавах, стояли трое – полицейский патруль. Один был вооружен винтовкой Мосина, второй с пистолетом, третий с пустыми руками. Выражение их лиц не предвещало ничего хорошего. Данилов их хорошо запомнил, особенно старшего: невыразительное, блеклое, белесое лицо. Полицаи, представители власти, застигли подпольщиков на месте преступления – при попытке убить оккупационный патруль. Эти лбы под кепками, эти глаза, эти сжатые скулы Данилов, казалось, запомнит теперь надолго, на всю жизнь!

«Лобзик, бежим! – крикнул он. – В разные стороны!» – и сам бросился в перспективу улицы Советов, к рынку. Единственное, что он краем глаза заметил и что наполнило его радостью, – это джип оккупантов, развернутый поперек улицы, свисающие из него два неподвижных тела в белых касках и их кители цвета хаки, испещренные многочисленными кровавыми точками.

Данилов понесся по тротуару.

Ему вслед раздалась одиночные выстрелы патруля. Вокруг засвистели пули.

Он дернулся – и проснулся.

Наши дни

Варя

В Энском городском почтамте на улице Советов, в отделе «до востребования», на имя Кононовой нашлось письмо без обратного адреса. Там имелись последние указания, как найти секту древлян: выезжаешь, значит, на шоссе в сторону Сочи, следуешь мимо Суджука, затем проедешь Матвеевский перевал, а потом, на сорок втором километре, будет указатель направо: «Турбаза «Красный строитель». Дорога сразу в гору пойдет, асфальт кончится, начнется гравийка. «Трасса по качеству плохая, вся из тещиных языков, да такая, что два авто не разъедутся, – заботливо предупреждал неизвестный корреспондент, наверное, Свят. – Однако через двадцать четыре километра по спидометру, после перевала местного значения, выезжаешь на берег моря. Там шлагбаум, но охранять будут наши люди, им надо сказать, что вы к Святу и Лене. Они пропустят, а там – заброшенная турбаза на берегу, где мы будем вас ждать», – заканчивалось послание.

Варя испытала мощный выплеск эндорфина в крови. Даже не думала, что так обрадуется. Задание, оказывается, подспудно ее волновало и тяготило. И теперь, когда до исполнения петренковского приказа внедриться было рукой подать, она почувствовала неожиданный прилив бодрости и сил. Значит, усилия не напрасны! И прибыли они с Даниловым сюда, на ЧПК (Черноморское побережье Кавказа), не зря!

Они выписались из гостиницы, и Алеша поехал на кладбище к своим папе и маме, что были здесь похоронены. Она извинилась перед ним – не могу, мол, после гибели родителей на погостах бывать, очень тяжело – и осталась в городе. Посижу, сказала, в кафе. Зайду на рынок, куплю нам мяса на шашлык, зелени, раз едем в дикие места.

На самом же деле бытовые хлопоты служили лишь прикрытием, главное – ей следовало позвонить Петренко и доложить о первых результатах внедрения

и о том, в каком конкретно месте она будет находиться.

Довольно дико было заказывать междугородний разговор все с того же почтамта на главной улице – но что делать, если таково условие древлян: никаких сотовых. Она подробно рассказала полковнику, куда они едут. Вслух называла Петренко «папочкой» и держала тон слегка капризной, но любящей дочери. Когда повесила трубку, подумала, что полковник ей в отцы никак не годится – он всего-то на какой-то десяток лет старше. Скорее брат, которого у нее никогда не было, – мудрый, уверенный в себе и всегда готовый накрыть ее, образно говоря, своим крылом или плащ-палаткой от любой невзгоды.

Потом она и кофе выпила, и рынок посетила. А спустя условленные три часа Данилов приехал к ней на место randevу возле торпедного катера на постаменте на набережной – памятника героическим морякам. Алеша выглядел смурным, но она не придавала сему особого значения – а каким ему еще быть после посещения родительских могил? Данилов грустно сказал: «Когда-то здесь стояла моя школа, – и указал место на берегу, где теперь возвышалась громадная новостройка из стекла и бетона. – А еще раньше, в пятидесятые, в ней учился мой отец, Сергей Владиленович. Мы с ним одной дорогой на уроки бегали – здесь, по набережной, по-над бухтой». И потом добавил странную фразу: «Удивительно, что все это не разрушено». – «Ты о чем?» – поразилась она. «Сон дурной сегодня приснился, не обращай внимания», – отмахнулся Алешенька. «Хочешь, машину до базы я поведу? – проявила она заботу. – Отдохнешь, расслабишься, выпьешь?» – «Ну нет, я, наоборот, за рулем собираюсь, в норму прихожу».

...Последняя часть пути и впрямь оказалась ужасной, по собственной воле в такую глушь забираться не станешь. В какой-то момент Варя даже жутко стало, хотя она далеко не робкого десятка была. Трасса – не асфальтированная, разумеется, а грунтовая, и безо всяких обочин – шла по узкой перемычке между двух гор. И справа, и слева – пропасть. До дна ущелья лететь метров сто, не меньше. Причем если вдруг передумаешь дальше ехать, места развернуться нет, только задним ходом сдавать.

Варя аж глаза закрыла и тихо молилась про себя. Но Данилов – молодец, хладнокровно и даже весело вырулил. Наконец грунтовка резкими петлями пошла вниз, к морю. В итоге все оказалось, как было предсказано письмом: шлагбаум, его охраняет человек на стуле с книжкой в руках. Сказали: едем к Святу с Леной – он открыл.

И вот дорожные мучения были вознаграждены. Место и впрямь выглядело райским. Небольшой галечный пляж. Устье безымянной речки, которая сейчас, к сентябрю, скукожилась до ручейка. Со всех сторон горы, поросшие дубом, грабом и крымской сосной. Бухта замыкается почти отвесными скалами. Для житья имеется лишь небольшая, компактная и, если можно так выразиться, уютная, почти комнатная долина. Земля здесь, в теньке от деревьев, устлана ковром из опавших игл.

Все было бы совсем прекрасно, если бы их встречал здесь уютный отель со всеми удобствами. Но нет, в советские времена сил хватило лишь на турбазу, а капиталистические перемены сюда не дотянулись. Старовата Варя, наверное, стала для некомфортной жизни. Однако делать нечего – приехали, значит, надо устраиваться.

Там и сям по долине были раскиданы дощатые домики зеленого цвета, каждый на довольно высоких столбиках. Кое-где стояли палатки. Имелось старое, полуразвалившееся и довольно внушительное сооружение, сваренное из железных листов, с крышей и полом, но без стен. Как им пояснили друзья, раньше, когда действовала турбаза, здесь размещалась кухня-столовая.

Удобства ограничивались парой синих пластиковых домиков на краю обжитого пространства. Душ – один на всех. Две лейки, разделенные фанеркой, мужская кабинка и женская, а сверху нависает чан с водой, подогреваемой солнцем. В общем, условия самые спартанские. Добро пожаловать в турпоход образца прошлого века! Или в кинофильм «Три плюс два».

Свят с Леной обрадовались Варе и Данилову. Радушно показали им лагерь. Сообщили, что можно поставить собственную палатку или занять любой пустующий домик: «Свободные пока есть, смотрите – где у входа нет машины, тот и выбирайте».

Вновь прибывшие предпочли домик. После осмотра лагеря даже удивительным показалось, что внутри имелось по две металлические кровати с сеткой и тумбочки, а для вещей – пара плечиков, которые полагалось цеплять на вбитые в стены гвозди. Электрифицировано жилище не было. Готовить следовало на костре (очаг подле домика имелся) или на газовой плитке.

Кононова бросилась наводить порядок – в лагерном хозяйстве нашлись и швабра с ведром, и перчатки, и тряпки, и моющие средства. Данилов со Святом пошли готовить в честь прибытия шашлык.

Перед ужином, закончив хлопоты, вместе со Святом и Леной искупались. И море – ах, море! – оно примиряло со всем и искупало все: и трудности дальней неухоженной дороги, и бытовые неудобства. Ласковая теплая вода и закатное солнце словно смывали усталость, неустроенность, недовольство. Потом – вчетвером, у костра – подкрепились шашлыком, распили бутылочку привезенного из столицы бордо. «А в десять вечера у нас собрание, – предупредили друзья. – Там со всеми и познакомитесь».

И впрямь, к десяти весь народ потянулся к железному сооружению, экс-столовой, со своими пластиковыми и матерчатыми складными стульями. Публики в общей сложности насчиталось человек двадцать пять – тридцать. Все с любопытством посматривали на новичков, а Варя исподволь изучала собравшихся. Все они были чем-то похожи, и Кононова даже сделала для себя вывод, чем конкретно: практически все были молодые профессионалы, яппи, довольно преуспевающего вида. Не сказать, что интеллектуалы или ученые, но средний «айкью» явно выше, чем среднемировой. Практически все – парочки. Детей нет. Самым младшим лет было, наверное, двадцать пять, старшим – за сорок. Словом, подытожила для себя Варя, люди их с Даниловым круга. И ровным счетом ничего не наблюдается в них фанатичного или хотя бы экстравагантного, что оправдывало бы именование этих людей «сектой». Впрочем, оставалось поглядеть на их предводителя – именно благодаря ему, Зубцову, насколько поняла Кононова объяснения Петренко, древляне вызвали интерес у комиссии.

Для начала они с Даниловым представились: встали, назвали себя (а ничего больше, кроме имен, им, слава богу, говорить не потребовалось). Им вежливо похлопали.

И вот, наконец, на председательское место, к столу из былых времен, вышел человек, в котором Варя безошибочно угадала Зубцова. Для начала, он был значительно старше всех собравшихся – лет ему, казалось, хорошо за пятьдесят, если не за шестьдесят. Выглядел отставник довольно браво: седой ежик пострижен под канадку, рубашка заправлена в легкие, издававшие виды летние брюки (никаких шорт!), туго перехваченные издавшим видом пояском. Подтянут – совершенно никаких «соцнакоплений» (как говаривал, помнится, Варин отец-

генерал), и, благодаря стройности, выглядит моложе своих лет. Правда, совершенно седые волосы и резкие носогубные морщины выдают его действительный возраст.

– Дорогие друзья, – негромко начал Зубцов (при звуках его голоса все затихли), – мы рады приветствовать вновь присоединившихся к нам, – последовал острый взгляд на Варю с Даниловым, отчего девушке стало слегка не по себе. – Мы надеемся, что они обретут в нашем лице надежных друзей и партнеров, а мы, в свою очередь, получим новых верных товарищей. – В его интонации и манере говорить было нечто завораживающее. С самых первых фраз его хотелось слушать и слушать. – Да, наше неформальное сообщество одной из своих важнейших целей ставит расширение – однако не любой ценой. Нам нужны новые товарищи – но умные, честные, преданные и талантливые, и мы надеемся, что Алексей и Варвара таковыми и окажутся. Вас, конечно, интересует, как и многих, кто прибыл к нам недавно, на каких принципах мы здесь объединяемся. И я вам отвечу: самое главное для нас – понимание того, что люди, человечество в целом, пошли, особенно в последнее десятилетие, не тем путем. Свернули не туда. А может, нас вынудили свернуть. И мы, наше сообщество, своими скромными усилиями стараемся заставить цивилизацию вернуться на столбовой путь своего развития. Да, нас мало – но пока мало. Да, мы слабы – но покамест слабы. С каждым днем, месяцем и годом нас становится больше и больше, и все больше появляется на Земле групп, подобных нашей. И совсем не за горами время, когда мы будем влиять на политику – как внутри страны, так и общемировую, – а также на образ жизни и действий всего человечества. И это не маниловские мечтания. Помните, сколько было соратников у Фиделя Кастро и Эрнесто Че Гевары, когда они приплыли на Кубу на яхте «Гранма»? Не помните? А я вам скажу: всего семнадцать. А сколько имелось членов в российском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса? Напомню: не больше сотни. Однако и первые, и вторые стали ядром настоящей социальной революции, которая случилась и в России, и на Острове Свободы удивительно скоро – так скоро, как, верно, не ожидали сами революционеры.

Но мы, в отличие от Фиделя и Ленина, не хотим революций. Мы не жаждем и не призываем их. Нам противна сама мысль о кровопролитии. Устойчивое, мирное и поступательное движение человечества – вот наша цель. Однако движение это должно идти в нужном, верном направлении. С огромным сожалением следует констатировать, что в последние пару десятилетий цивилизация двинулась совершенно неприемлемым, абсолютно неверным путем. Путем в никуда. Дорогой в пропасть.

Варвара внимательно наблюдала за оратором. Несмотря на то что полет мысли отставника напоминал своим размахом построения шизофреника – человечество, мол, шагает не туда, и мы тут, собравшись в заброшенной щели при свете карманных фонарей, его поправим, – он сам ни малейшим образом не производил впечатления психа. Мегаломан – да, возможно. Но в то же время очень умный, вдумчивый и твердо стоящий на земле, обеими ногами. Зубцов, несомненно, был человеком с сильным интеллектом и твердой волей, а еще – настоящим трибуном, умеющим убеждать и даже завораживать слушателей. Пожалуй, служба в секретной комиссии, подумала Варя, была в его судьбе не лучшим выбором – он смог бы достичь куда больших результатов как политик, особенно в беспокойные девяностые, когда ему было лет сорок. Да и теперь любая фракция сочла бы за благо разжиться оратором подобного уровня – когда бы у нас сейчас в политике ценились какие-то иные качества, помимо послушания.

Тем временем Зубцов продолжал свои умопостроения:

– На протяжении всей своей истории одним из самых мощных мотиваторов для людских сообществ и для человечества в целом было познание нового, движение вовне. Человек сначала стремился раздвинуть границы обитания своего племени – а что там, за горизонтом? Может, там плодороднейшие поля и сады? Реки, полные рыбы? Леса со зверьем? И он шел открывать новое. И – да, он обнаруживал красивейшие и полезнейшие для жизни места и вещи. Он освоил всю Европу. Затем двинулся в глубь Африки и Азии. Открыл Америку. Затем Австралию. Сколько всего цивилизация получила во время этой экспансии? Сколько совершила открытий? Неисчислимое количество нового и полезного добыла! Но затем, в начале прошлого века, стало казаться, что вся Земля изучена. Достигнуты и Северный, и Южный полюса. Все, конец. Больше открывать нечего. Стремиться некуда. Однако вскоре перед цивилизацией возник новый вызов. И новая цель. Космос! Да, космос – он, в отличие от Земли, огромен и неисчерпаем, и число открытий, которое человечество может совершить во время его покорения, воистину бесконечно. И в пятидесятые и шестидесятые годы прошлого века цивилизация рванулась вовне, прочь от планеты-колыбели. Темп, который задали тогда сначала советские люди, а затем американцы, оказался поистине вдохновляющим. Первый спутник, спустя четыре года в космос вышел первый человек, еще через восемь лет люди высадились на Луне. Казалось, человечество снова устремилось вовне – теперь к звездам. Пятьдесят лет назад мало кто сомневался, что к началу нынешнего века люди посетят Марс и облетят Венеру, высадятся на спутниках Юпитера

и изучат кольцо Сатурна. Однако этого не случилось! Человечество сделало потрясающий замах – и остановилось на полдороге. И продолжило барахтаться, со своими спутниками и орбитальными станциями, на околоземных орбитах. Это все равно как люди, впервые построив морские суда и совершив первые плавания, не отправились за горизонт, а навсегда остались плескаться у берегов. словно дети в мелкой и теплой водичке.

Варя видела, как слушают Зубцова другие участники секты: вдохновенно, не отвлекаясь, не прерывая, – и еще раз подчеркнула для себя вывод, который сделала: да, он трибун, каких поискать. Не бог весть, что у него за учение – на деле пока видны две с половиной мысли, но как его слушают! Даже она, изначально настроенная к идеям группы крайне скептически, если не сказать враждебно, и то в какой-то момент еле удерживалась от желания вскочить на ноги и закричать: «Да, да, да!» И на Данилова (она видела это краем глаза), который, хотя бы в силу своей профессии, имел мощнейший иммунитет против любой суггестии, уверения и призывы лидера, наверное, даже против воли, но действовали.

– Вместо движения вдаль и вширь, – продолжал отставник, – наша цивилизация выбрала иную стезю: она стала все больше замыкаться на себе. Начала оукливаться, схлопываться. Вместо совершения прорыва к неизведанному мы стали, подобно кроту или навозному червю, бесконечно обживать и благоустраивать отведенную нам ямку. Людское сообщество внутри себя самого начало ткать все новые связи между себе подобными. Мы не выходим из дома без ноутбука или планшета. Мы чувствуем себя чуть ли не раздетыми, если забываем сотовый телефон. В каждый момент времени каждый отдельно взятый член общества находится под постоянным, неусыпным контролем со стороны сетей. Он доступен для любого члена сообщества и, тем более, для его лидеров. Они постоянно в курсе того, где ты находишься, чем занимаешься, чем живешь – дышишь. Тысячи, миллионы незримых связей протянуты между нами. Ты не можешь, образно говоря, шевельнуть ни рукой, ни ногой без того, чтобы об этом не узнали все члены сети. И каждый из нас входит в подобную сеть. Но вдумайтесь: разве случайно появилось само это название – сеть? Разве не содержит оно самые негативные контоминации? «Он попал в чьи-то сети» – однозначно негативная фраза. «Мафия раскинула свою сеть» – тоже ничего хорошего не звучит в этом утверждении. «Сеть распространения героина создали наркодилеры» – всюду и всегда это слово означало нечто крайне отрицательное, до чрезвычайности плохое. Но вот теперь – смотрите, как переменялась наша жизнь! И, как следствие, меняется лексикон. Всякий владелец компьютера или сотового телефона с подключением

к Интернету днем и ночью оказывается подключенным к сети – и чуть ли не гордится этим! Ну да, вы скажете, а что тут плохого? Сеть облегчает доступ к библиотекам знаний, обеспечивает мгновенную связь с любым человеком, облегчает доступ к любым услугам – такси заказать, купить билет в кино или на самолет. Да, отвечу я вам, удобно. А разве не удобно куколке лежать, спеленутой, в муравейнике? Тоже удобно. Разве не удобно наркоману, попавшему в сеть, устроенную наркодилерами? Тоже удобно: кайф, и делать ничего не надо. Разве не удобно, наконец, муравью постоянно быть одним из представителей муравейника? Муравей всегда на связи, он всегда под контролем и никогда не отрывается от коллектива и не выбивается из стада. Он ни к чему не стремится. Он не шагает за горизонт. Он приземлен, заземлен во всех смыслах этого слова. Учтен и посчитан – как каждая спица в велосипедном колесе или паутинка в сети. Опять-таки – в сети!.. И мы, люди, в последнее время все больше уподобляемся этим муравьям. Хотите ли вы быть муравьями? – Зубцов вдруг обратился к собравшимся с прямым вопросом. Кто-то помотал отрицательно головой, кто-то проговорил тихонько: «Нет». И тогда он повторил, громко и агрессивно-напористо: – Хотите?

Все возопили: «Нет!»

– По роду своей службы, – продолжил он, и Варя наострила уши, – я соприкасался с весьма секретными исследованиями и разработками. Я, увы, связан подпиской о неразглашении с огромным сроком, поэтому не в состоянии детально рассказать вам о них, но я должен, просто обязан довести до вашего сведения: постоянное использование сотовых телефонов, а также подключенных к Интернету компьютеров крайне пагубно влияет на каждого отдельного человека и человеческую цивилизацию в целом. Больше того, они способны поставить нас на самый край выживания.

Варя, хоть и была действующим сотрудником той самой суперсекретной организации, где некогда служил Зубцов, решительно ничего не знала о том, чем вредны для человеческой популяции сотовые телефоны и Интернет. Вряд ли у бывшего полковника, да еще ушедшего в отставку полтора десятилетия назад, имелись какие-то дополнительные сведения, хотя, конечно, все бывает. Но говорил отставник с непоколебимым апломбом.

– И я, конечно, веду речь не о вредном СВЧ-излучении, которое распространяют мобильные аппараты и которое способно вызвать рак мозга – хотя в раке мозга нет ничего хорошего. Нет! Сети, мобильные и интернетовские, – это та самая

паутина, которой дала себя укутать цивилизация. Это та самая сеть, которая ее погубит. Поэтому, друзья мои, давайте начнем с себя. Я призываю вас: скажем «нет» сотовым телефонам! Скажем «нет» интернет-соединениям! Освободимся от этой опутывающей нас заразы! Станем личностями, а не ячейками-винтиками! Станем свободными!

Зубцов вещал с колоссальной убежденностью и напором, и после этой проповеди (а его речь по жанру была, конечно, не чем иным, как проповедью) раздались дружные аплодисменты. Многие вскочили с места. Кто-то прокричал, воздев руку, сжатую в кулак: «Нет мобильникам!» – и все дружно гаркнули: «Нет!» Кто-то (тот же самый или другой, в полумраке было плохо видно) воззвал: «Нет Интернету!» – и опять народ громогласно поддержал: «Нет!» Тут психологически возникло подходящее состояние умов, чтобы собрать кое-какие пожертвования – однако нет, всеобщим подъемом никто не воспользовался, момент был упущен. Народ расходился, трое или четверо задержались подле гуру, стали обсуждать вопросы высокого полета.

Подсвечивая себе фонариком, Варя с Даниловым вышли на берег моря. Большущее, темное, оно чуть пошумливало, нагоняя на пляж свою пену. Где-то по горизонту полз огонек сухогруза или сейнера.

– Ну как тебе? – спросила Варя.

– А тебе?

– Я первая спросила.

– Странное учение. Но, по-моему, довольно безобидное.

– Посмотрим, что дальше будет. Но, согласно Дально, это, конечно, секта.

– А что сказал Даль?

– Секта – это братство, принявшее свое, отдельное ученье о вере.

– Не вижу, что в этих людях может быть плохого, разве что с точки зрения мобильных операторов они не хороши.

- Да, если за ними пойдет народ - «билайны» и «мегафоны» разорятся.

- Думаю, народ за ними не пойдет.

- И я, и я, и я того же мне?ни?я, - пропела довольная жизнью и другом Варя.

В полном согласии с самими собой и обстановкой, их окружающей, они вернулись в домик и предались любви. Две панцирные кровати они предусмотрительно составили в одну и поэтому благополучно не размыкали жарких объятий до самого утра.

* * *

Дальнейшая жизнь Вари с Даниловым на заброшенной турбазе вполне укладывалась в поговорку «С милым рай и в шалаше». И правда, ей было хорошо с Алешенькой даже в щелястом домике, без личной ванны и туалета. Удивительно, но бытовая морока, включая мытье посуды в холодной воде, не сильно напрягала Варю. Впрочем, Данилов тоже оказался не белоручкой и помогал ей не только стряпать, но и тарелки-ложки-котелки намывать. Заботы не слишком отвлекали их от пассивно-активного отдыха: солнце, море, ныряние с маской, прогулки по лесу по-над-вдоль берега, вдыхание чистейшего озона, ловля крабов, собирание мидий, игра в волейбол с сеткой и без, а также в футбол, ручной мяч и настольный теннис. Публика на базе оказалась спортивной, малопьющей и довольно милой - явного отторжения ни с кем не возникло. А если случилась по отношению к кому-то неприязнь, никто не заставлял с лично неприятным человеком целоваться, народу хватало. Кононова довольно жестко дала понять всем особам женского пола, что Данилов, несмотря на то что они не женаты, принадлежит ей и только ей, и делить она его ни с кем не намерена.

Что касается Зубцова и его странных воззрений по части страшного вреда сотовой связи и Интернета, то каждый вечер повторялись «лекции о международном положении» (как иронически окрестил их Данилов). Выступал один лишь отставник, и всякий раз повторял, убедительно и цветисто, один и тот же набор аргументов: человечество сбилось с магистрального пути; использование мобильных и Сети - серьезная опасность; от них всем людям следует категорически отказаться. Возможно, сказывалась ежевечерняя промывка мозгов, но Варя находила пребывание вдали от благ цивилизации

восхитительным: никто ее не дернет, не начнет ничем грузить, она находится в удивительной оторванности от всего и всех на свете и только Данилова допускает для общения. Да по необходимости – возникших на турбазе друзей.

Со временем в ежевечерних выступлениях экс-полковника появилась другая тема. Он стал напирать на то, что люди, обзаведшись разнообразными средствами связи, стали терять способность к передаче мыслей на расстояние безо всяких приборов, что было им изначально присуще.

– Да, да! – с жаром уверял он. – Мы утратили умения, которыми владел всякий древний человек! Которые присущи множеству неразумных животных! Мы стали совершенствовать речь и научились передавать ее на расстояния, теперь беспредельные! Ныне мы коммуницируем друг с другом с помощью видео – на тысячи километров отправляем не только свое слово, но и мимику, жест. Но что-то очень важное мы передать техническими средствами не в состоянии. Что это? Наш запах? Наше психическое поле? Наука пока не знает, как мы умеем общаться без помощи слов и даже жестов. Точнее – как мы умели общаться, в прошедшем времени, потому что с развитием средств связи эта способность становится все менее и менее востребованной, и она у нас атрофируется. Точнее – атрофируется у всех горожан, кроме нас. А мы здесь постараемся эти таланты не утратить и, наоборот, сохранить и развить! И это поможет нам всем в дальнейшем выживать, когда мы вернемся назад в свои каменные джунгли!

Затем они все, собравшиеся вечером в бывшей столовой, принимались, по наущению главаря, играть в игру наподобие «испорченного телефона». Отличие состояло в том, что слово или понятие требовалось не шептать соседу в ухо, а стараться передать телепатически – для этого все участники коллектива соединяли на весу свои ладони и смотрели друг другу прямо в глаза во время передачи.

Данилов оказался слева от Вари – следовательно, слово ей должно было прийти от него. Молодой человек пребывал в прекрасном настроении и внутренне ухмылялся, когда началась столь топорная проверка экстрасенсорных способностей – она-то хорошо изучила легкую усмешечку, таящуюся в уголках его губ. И когда дело дошло до него, он только глянул на нее, и Варя сразу почувствовала, как в ее мозгу возникло слово ЗОЛОТО. Она постаралась передать его дальше, сидящему по правую руку Стасу.

Потом случился «разбор полетов»: каждый говорил, что он услышал и что передал дальше, и выяснилось, что не так уж хорошо их коллектив понимает друг друга. Изначально руководитель задавал слово «море», оно сразу начало трансформироваться в нечто невообразимое, и только Данилову удалось точно почувствовать, что передает ему сосед, и в неприкосновенности отправить слово дальше, Варю.

Ночью, в постели, она поинтересовалась, с чего это Алеша вдруг решил так раскрыться – обычно экстрасенс в случайных компаниях или на отдыхе никогда не признавался, кто он и чем снискивает хлеб насущный. «А, не бери в голову, – расслабленно и легкомысленно отвечал он. – Считай, что это попытка саморекламы».

Варя постаралась сойтись с главой секты покороче. Проживал гуру в таком же деревянном домике, как и многие, но в одиночестве. Жены или равной по возрасту подруги у него не было – имелась наперсница-последовательница, довольно юная, хорошенькая и стройненькая. Звали ее Люба. Она проживала от гуру отдельно, в палатке, однако всюду сопровождала отставника, сидела рядом с ним во время ежевечерних сходов – молчаливо, но восторженно. С ее лица, постоянно полуобращенного к Зубцову, не сходило выражение: «Ах, как мудро, как замечательно все, что вы излагаете!» Однако Варю не составило труда обратить на себя внимание бывшего офицера – да, честно говоря, надо было быть слепоглухим импотентом, чтобы не заметить Кононову. Высокая, крепкая, мощная, статная – редкий представитель сильного пола проходил мимо нее невозмутимо, однако особенным успехом она пользовалась у самцов южных кровей, а также, непонятно почему, у молодых мальчиков или, напротив, дяденек за пятьдесят. Так и с Зубцовым: достаточно было в волейболе неловко отбить мяч к его ногам, принять его крепкую подачу, поблагодарить за игру рукопожатием... В тот же вечер они с Даниловым приняли приглашение пожаловать к их с полюбовницей очагу. Приживалка, создание блеклое и сублильное, явление Вари восприняла, разумеется, в штыки. Однако сама Варя по ходу дела всячески подчеркивала, на вербальном и невербальном уровне, свою близость к Данилову: поглаживала бойфренда по руке, якобы украдкой чмокала и все свои рассказы начинала словами: «Мы с Алешей». В результате Люба подуспокоилась, однако Зубцов перед Кононовой все равно перья всячески распушал, за что был вознагражден ею неоднократным восторженным восклицанием: «Ах, какой вы интересный человек!»

По ходу вечера отставник заметил, что у Данилова «огромные способности к экстрасенсорике» (как будто тот сам не знал) и что «его таланты непременно нужно всячески развивать». Они даже по инициативе лидера секты сыграли в игру, которую однажды она с возлюбленным уже проходила: ясновидец угадывал карту, которую смотрел и выкладывал рубашкой вверх Зубцов. Результат поразил всех, включая Варю: семьдесят пять раз из ста Алеша точно называл цвет, чего в их тренировках никогда не случалось. Отставник был в восторге: «Вам, Алеша, надо в цирке выступать! Деньги чудотворством зарабатывать!» – «А я и зарабатываю», – усмехнулся молодой человек.

Пристальное общение Вари с гуру тем вечером не ограничилось. Несколько раз они болтали тет-а-тет на пляже или случайно столкнувшись на тропинке в лагере. Кононовой показалось, что она составила довольно точный его психологический портрет. Бессребреник, он, тем не менее, любил покрасоваться, особенно перед молодыми. Ему нравилось, когда его слушают, затаив дыхание. Тему о страшном вреде мобильной связи и Интернета он, видимо, нащупал случайно и вначале, возможно, был даже удивлен тем, что у него появились адепты. Но семена разводимой Зубцовым пропаганды упали на благодатную почву. За ним потянулись люди. А нет ничего более приятного для пенсионера (тем более, некогда занимавшего командные посты), чем снова почувствовать себя лидером. Впрочем, он не лукавил, когда рядился в тогу современного луддита – возможно, и впрямь был убежден, что человечество в двадцать первом веке завернуло не туда. Впрочем, послушается ли оно, человечество, его советов и выбросит ли в канаву все современные гаджеты – большой-пребольшой вопрос.

Конечный вывод Вари был таков – и она готова была его отстаивать и перед Петренко, и перед любыми другими товарищами: ничего страшного в деятельности гуру нет. Никаких государственных тайн отставник не выдает. Никого он не зомбирует и не программирует. Краснобай – да. Ловкий манипулятор и лидер – да. Но не мессия, нет. Есть у него адепты – так что же? Откажется от мобильных и Сети сто человек, или даже тысяча, или пусть десять тысяч – что из того? Или кто-нибудь по наущению отставника вдруг откроет и разовьет в себе экстрасенсорные способности? Пускай. Может, им самим по жизни спокойней и комфортней станет. А крушить вышки сотовой связи или громить магазины «МТС» и «Связной» последователи Зубцова явно не пойдут. И, несмотря на ловкое красноречие и дар убеждения бывшего сотрудника комиссии, миллионы людей от удобств, которые дает сотовая связь и инет, никогда не откажутся. Так что человечество продолжит движение своим путем, какие бы аргументы против этого новоявленный оракул ни приводил.

Однако исподволь Варя продолжала наблюдать за Зубцовым (и другими товарищами из секты). Но и отдыхала, конечно.

Полковник Петренко

Полковник трижды за последний месяц встречался с куратором, и всякий раз Павел Андреевич спрашивал: «Как у вас дела с сектой?» На памяти Петренко, ни один вопрос, который они обсуждали за то время, что он служил начальником комиссии, не вызывал столь горячего интереса. Два раза он неопределенно отвечал: «Работаем», – потому что отвечать было особо нечего. Но вот Варвара доложила ему из Энска по телефону, что они с Даниловым едут в сообщество, на базу. И теперь, когда Сухотин спросил начальника комиссии в третий раз, тот откликнулся: «Павел Андреич, наш человек в секту внедрился». Он думал, что тот примет эти слова к сведению и перейдет к другим темам, но куратор зацепился:

– Что ваш агент сообщает?

– Пока ничего. Как вы, наверное, знаете, в секте запрещены любые мобильные устройства, поэтому он пока молчит. Да и не предусмотрено было, что агент станет выходить на связь.

– Почему это?

Волей-неволей Петренко пришлось раскрывать детали, хотя в отношении любой незаконченной операции он этого страшно не любил.

– Секта собралась вся вместе и находится на, так сказать, летних квартирах. В медвежьем углу, на заброшенной турбазе. Выйти оттуда на связь нашему человеку весьма затруднительно. Мы предполагали подобный оборот, поэтому контактов с центром даже не предусматривали.

– Они все вместе собрались, говорите? – заинтересовался куратор. – В медвежьем углу? А где конкретно?

«А зачем вам?» – чуть не брякнул полковник, но подобный вопрос в их взаимоотношениях был, разумеется, совершенно исключен.

– Бухта на Черноморском побережье Кавказа, – постарался отделаться Петренко.

– А точнее?

«Вот ведь прицепился!» – с досадой подумал начальник комиссии, но вслух довольно сухо сказал:

– У меня есть координаты места. Вас они интересуют?

Когда Варя доложила ему из Энска, куда их зазывают в лагерь, полковник восстановил по карте ее маршрут и точно сориентировался, где она в настоящий момент пребывает.

– Да, перешлите мне их, будьте любезны.

Что оставалось делать Петренко? Когда встреча с куратором закончилась, он прямо из машины отправил ему донесение с координатами места, где, по его расчету, находились в данный момент Варя, Данилов, экс-полковник Зубцов и его приспешники: 44°22'07.7"N; 38°26'57.2"E.

Данилов

Ему нравилось быть с Варварой. Наверное, как ни с одной девушкой ранее. Начать с того, что она была сильной, и это его заводило. Сильной во всех отношениях. Он ни разу не играл с ней в поддавки. Не делал скидку, как зачастую с другими, что она слабая девушка и поэтому чего-то не знает/не может/не умеет. Нет, с Варей требовалось играть всерьез: и в волейбол, и в шахматы. И даже в футбол. И плавать, и нырять с маской. А уж в гребле она, профессиональная гребчиха и кандидат в мастера, напрочь его забивала. И на равных с ним взбиралась на кручи и спорила о политике.

Всякое общение с девушкой, а тем более совместная жизнь – всегда состязание. И с Варей был первый случай, когда он не подмял партнершу, не подчинил, не покорила – прежде воля и экстрасенсорные способности тому весьма

способствовали. Нет, с Кононовой они соревновались постоянно и потому сталкивались порой так, что даже искры летели. Зато и мирились с такой силой, что домик их в буквальном смысле трещал всеми своими досками, и им приходилось ради плотской любви убежать в близлежащие леса.

Разумеется, то обстоятельство, что вокруг не было столичной суеты и всяческого вмешательства посторонних дел и людей, сильно обостряло обоюдную тягу друг к другу. Что касается Данилова, то он начинал вожделеть Варвару едва ли не при каждом взгляде на нее – большую, но ловкую, мощную, но сильную. Ходила она день напролет в одном купальнике, вся ровно загоревшая – уфф, что за женщина!

Но в мире не бывает полного совершенства. И насколько хорошо было Алексею наяву – на берегу ласкового моря, с любимой женщиной, – настолько более тревожными становились его сны.

Развилка?2

1962 год

Что произошло с ним дальше, в пятьдесят первом, в оккупированном Энске, Данилов так и не узнал. Взамен, уже на турбазе, в зеленом щелястом домике, рядом с мирно спящей Варварой, он увидел другой сон из той же серии. Потому что происходило все в реальном, до мельчайших деталей, пространстве. С одной стороны, в существующем и очень узнаваемом городе – однако в иной, несбывшейся, никогда не существовавшей действительности.

В этот раз он точно знал, что действие происходит в самом конце октября тысяча девятьсот шестьдесят второго года. Третьей мировой войны в пятьдесят первом благополучно не случилось. Мир проскочил ту развилку. И он, герой сна, благополучно вырос – теперь ему двадцать два.

Да, в шестьдесят втором Данилов, разумеется, еще не родился. Двадцать два в то время было его отцу. Возможно, он снова переселился в него.

И вот он идет по улице Москвы. (А папаня как раз в то время и проживал, насколько помнилось Алексею, в столице, заканчивал университет.) Точнее, шагает по Садовому кольцу, а еще точнее – по Самотеке, по внутренней стороне кольца, чуть поднимаясь в гору, к Красным Воротам – или, как это место называлось тогда – к Лермонтовской. Слева через дорогу возвышается громада сталинской высотки. По проезжей части несутся автомобили, и они вполне соответствуют времени действия: «Победы», «Москвичи» – четырехсотые, четыреста первые и четыреста вторые. Временами проскальзывают щеголеватые «Волги – двадцать один» (такие, как в кинофильмах «Берегись автомобиля» и «Бриллиантовая рука»), а также старые, еще трофейные «Опели» и «БМВ». Довольно много по сравнению с современностью грузовиков: «ЗИЛов» и даже «КрАЗов». Жужжат троллейбусы. Они и впрямь, как в песне Окуджавы, синие. Пыхтят автобусы – такие же, как троллейбусы: словно со лбом, нависшим над вдавленным вовнутрь ветровым стеклом. Машин гораздо меньше, чем в современности. Садовое кольцо почти пустое, и все авто развивают максимально разрешенную скорость.

Но в тот момент машин даже меньше, чем обычно. И людей на улице тоже немного. Причем всеми владеет если не паника, то чувство, ей предшествующее: некая нервная ажитация и хмурая озабоченность. Все куда-то спешат, хотя спешат каждый по своим делам. И Даниловым тоже завладевает общее чувство: надо успеть, пока не... Но «пока не» – что?

И тут он вспоминает: да ведь его призвали в армию! Ему завтра надо явиться на сборный пункт с вещами. Больше того, в стране объявлена всеобщая мобилизация. Все мужчины призывного возраста должны идти служить. Он, слава богу, заканчивает университет и потому будет взят в армию не как рядовой, а как лейтенант. Зато воевать ему, видимо, придется в самом пекле: согласно ВУС (военно-учетной специальности) он приписан к ПВО, противовоздушной обороне. А до завтрашнего утра ему обязательно надо повидать Ларису. (О, и маму мою звали Ларисой, думает во сне Данилов.) С Ларисой они только что познакомились. Она запала ему в самое сердце, и он не может уйти на фронт, не повидавшись с ней.

Домашнего телефона у нее нет, как нет его и у Данилова. Они вообще в том времени редкость – имеются лишь в квартирах начальников. Но он при первом свидании записал адрес Ларисы. Она живет бог знает где, на улице Ферсмана. Метро туда еще не провели, оно только строится, поэтому придется ехать от станции «Октябрьская» на автобусе.

Он приближается к метро «Лермонтовская». В подземелье входят и выходят озабоченные люди. Тут Данилов замечает стенд – он такие еще застал, когда был маленьким. В советские времена на подобные вывешивали для всеобщего обозрения газеты. Он, помнится, еще спрашивал у папани, для чего так делают, и тот отвечал не очень понятное: на идеологии мы не экономим, нужно, чтобы идеи партии и правительства доходили до всех, не мытьем, так катаньем.

Данилов останавливается у стенда, возле которого застыли, уткнувшись в газету, три-четыре человека, все мужского пола. Один из них отходит, сдергивает с головы кепку, чешет в затылке и с досадой плюет на тротуар: «Все-таки начали, сволочи!» – и прибавляет непечатное ругательство.

На первой полосе газеты под названием «Правда» – большая «шапка». Она гласит: «КТО С МЕЧОМ К НАМ ПРИДЕТ – ОТ МЕЧА ПОГИБНЕТ!» А ниже, чуть мельче: «В результате успешного ракетного удара советских войск разрушены крупнейшие города США». И, одна рядом с другой, размещены три фотографии.

Все они сделаны с высоты птичьего полета – очевидно, с борта советского самолета. На первой – Нью-Йорк, но он превращен в руины. От большинства супернебоскребов остались лишь пирамиды битого кирпича.

Далее – Вашингтон. Та же картина. Белый дом, стела, здание Конгресса сметены с лица земли.

Далее – Чикаго. Такая же разруха.

Ниже – еще один заголовок: «От Советского информбюро». Подзаголовок: «Гавана, от нашего собственного корреспондента». Данилов вчитался в текст: «Вчера рано утром по местному времени американская военщина начала широкомасштабные военные действия против свободолюбивого народа Кубы. Не жалея бомб и снарядов, империализм обрушил на Остров Свободы всю мощь своей милитаристской машины. Массированным бомбардировкам подверглись Гавана, другие города страны. Среди мирного населения имеются многочисленные жертвы. Одновременно агрессивные янки начали высадку на Кубу воинского десанта. Кубинский народ – военные, милиционеры и добровольцы – оказывает отчаянное сопротивление вооруженным до зубов империалистам. На помощь пришли бойцы Советской Армии из расквартированного на острове ограниченного контингента советских войск.

В ходе десанта, как сообщают многочисленные источники, американская военщина первой применила тактические ядерные заряды. В ответ главнокомандующий советскими войсками на Кубе генерал армии тов. Плиев, по согласованию с председателем совета обороны товарищем Хрущевым, принял решение применить против США советские ядерные ракеты, размещенные на Острове Свободы. Ракетно-ядерный удар по зарвавшемуся агрессору оказался успешным. Из тридцати пяти запущенных ракет среднего радиуса действия своих целей на Американском континенте достигли двадцать три. Поражены крупные скопления вражеской живой силы и техники, аэродромы, заводы, ракетные установки и нефтебазы. Серьезный ущерб причинен городам Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго, Ричмонд, Филадельфия и ряду других».

А в самом низу страницы – гораздо более мелким шрифтом – еще один заголовок: «Без объявления войны». А ниже следует такой текст: «Союзники США по агрессивному блоку НАТО без объявления войны осуществили акт неприкрытой агрессии по отношению к миролюбивому Советскому Союзу. С территории Турции по нашим мирным городам и селам выпущена целая армада ракетно-ядерных ракет американского производства. Большинство из них были успешно сбиты нашими средствами ПВО. Однако часть их все же преодолела первый пояс нашей могучей противовоздушной обороны и упала на территории СССР. Бомбардировке подверглись города Одесса, Севастополь, Энгельс, Сочи, Краснодар. Среди советского мирного населения имеются отдельные человеческие жертвы». Чуть ниже подверстана еще одна заметка: «Американские стервятники попытались прорваться на территорию Советского Союза. Несколько десятков бомбардировщиков противника, при поддержке армады истребителей, стремились нанести удар по городу Москве. Однако доблестная ПВО страны встала вокруг столицы мира и социализма несокрушимой стеной. Ни одному самолету противника не удалось прорваться сквозь могучее кольцо нашей ПВО. Ее силами было сбито семь стратегических бомбардировщиков «Б-59» и три истребителя «Ф-4». Пилоты взяты в плен или погибли. В бешеной злобе отползая от нашей родной столицы, американские стервятники сбросили свой зловеющий бомбовый груз, в том числе ядерный, на советской территории. Пострадали города Калинин, Бологое, Ленинград, Каунас, Рига, Вильнюс. Среди мирного населения имеются отдельные человеческие жертвы».

Вся вторая и третья полоса газеты были отведены огромному материалу под заголовками: «Экстренный совместный пленум ЦК КПСС и Совета Министров СССР». И ниже: «Выступление Председателя Совета Министров СССР, председателя Совета обороны СССР Н. С. Хрущева на Экстренном совместном

пленуме».

В сплошном подслеповатом тексте взгляд Данилова наткнулся на неожиданную ремарку: «Оживление в зале. Смех. Аплодисменты». Он заинтересовался: что в речи руководителя страны и партии могло развеселить чиновников, собравшихся в Кремле в столь тяжелый для государства момент? Прочел: «А ракет у нас для вас, господа империалисты и агрессоры, на всех хватит!» И после первого приступа оживления и смеха, охватившего государственных бонз, следовал новый пассаж: «А если у кого-то из наших бойцов или представителей нашего героического народа вдруг под рукой не окажется ракеты, он вас снарядами станет крыть! А выйдет заминка со снарядами – перейдет на пули! А пуль вдруг неостанет – наш народ возьмет бутылки с «коктейлями Молотова» и зажигательной смесью даст вам отпор!» И опять – приступ оживления и аплодисментов в зале. Еще бы, подумалось Данилову, ведь не им же идти в ближнем бою мочить врагов «коктейлями Молотова»!

Чтобы хоть как-то отвлечься, он обратился к четвертой странице – а больше в газетах в ту пору полос и не было, – может, хоть что-то есть менее мрачное? Например, о футболе? Однако последнюю страницу занимали отклики трудящихся под общей шапкой: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Их Данилов читать не стал.

Знакомство с газетой подтвердило самые худшие опасения: началось! Случилось самое ужасное из того, чего боялись в то время. Третья мировая война. И, наверное, даже в гораздо худшем варианте, чем тот, что он увидел (или ему кто-то показал) в пятьдесят первом году. Он хорошо понимал, насколько газеты, особенно военного времени, склонны к эвфемизмам, и не сомневался, что «отдельные человеческие жертвы» в Ленинграде, Энке, Риге и Калининне, о которых сообщала «Правда», на деле означают зверские разрушения, подобные, если не большие, чем те, которые Советская Армия причинила Америке, а также десятки тысяч погибших.

Еще один мужик, стоявший рядом с ним с растерянным лицом, со словами: «Да, брат, дела», – отошел от стенда. Его примеру последовал и Данилов. И тут по всей улице разнесся вой сирен. Вопили они истошно, а вслед за тем послышался механический голос: «Граждане, воздушная тревога!»

Данилов бросился в метро «Лермонтовская». Туда пропускали без билета. Эскалаторы работали, и он спустился вниз, на платформу. Поезда ходили,

как ни в чем не бывало. Он сел в идущий до «Комсомольской». В мозгу мелькнуло совершенно мирное и даже ужасно пошрое: «Я не я буду, если в такой обстановке не раскручу Лариску на любовь. Однова живем, как говорится. Завтра мне уходить на фронт. Может, последний раз видимся. Только бы она дома была».

Он доехал до «Октябрьской». Но тут случилась загвоздка: все эскалаторы на станции работали только на спуск. Вверх не поднимали. Народу на платформе все прибывало. Некоторые, особенно женщины, стали возмущаться: «Почему не выпускаете? Мы домой едем! Дети там одни!»

Дежурная по станции принялась их увещевать: «Граждане, да куда ж вы пойдете? Воздушная тревога!» Но ее не слышали, напирали.

Тут подошли пара милицейских, один гаркнул: «А ну-ка молчать! Тихо всем! А то я вам, по законам военного времени!..» Второй картинно расстегнул кобуру и даже вытащил свой «ТТ». Народ слегка отступил. Свара и крики прекратились. В толпе, впрочем, продолжалось переругивание, правда, довольно миролюбивое: «Ты куда, тетка, прешь, в радиоактивный пепел превратиться не терпится?» – «Да чтоб ты, парень, сам сгорел атомным огнем!» Но и тут нашелся дядя начальственного вида, в велюровой шляпе, который гаркнул: «Прекратите, граждане, свои неуместные шуточки!» – и народ пугливо замолк. Что ни говори, москвичи в шестьдесят втором году были гораздо более дисциплинированными, чем полвека спустя.

Наконец выход со станции открыли. Эскалатор заработал на подъем. Видимо, воздушная тревога закончилась. Толпа довольно весело рванулась вверх.

На поверхности никакой войной и не пахло – ни в прямом, ни в переносном смысле. Похоже, что ни один американский бомбардировщик и ни одна ракета опять не прорвались. Кольцо ПВО вокруг столицы мира и социализма, созданное в пятидесятые годы, действовало безотказно. Скоро Данилову предстояло влиться в ее состав – вряд ли новобранцев успеют и захотят увозить далеко.

Тетка в телогрейке у вестибюля торговала дачными астрами, завернутыми в газетку. На нее косились прохожие: совсем вроде не время спекулировать. А Данилову оказалось в самый раз. Не идти ведь к девушке с пустыми руками!

Автобус подъехал быстро, толпа пассажиров успешно его захватила. Кондукторша привычно покрикивала, призывая передавать пятаки за проезд – все так, будто бы и нет никакой войны. И только разглядывая из окна автобуса Ленинский проспект, можно было заключить, что творится неладное. Практически перед всеми магазинами, в особенности продуктами, змеились очереди. Из дверей вываливались радостные граждане, успевшие ухватить хоть что-то – как правило, то были тетки с авоськами. В авоськах громоздились бруски сизого хозяйственного мыла, коробки спичек, серые стрелы макарон, пачки «Беломорканала», прозрачные бутылменты сорокаградусной.

Данилов порадовался, что его никакие дефициты не волнуют – завтра он будет в армии, а там худо-бедно накормят и курева дадут, а больше служивому ничего не надобно.

Тут он поймал взгляд мужика, сидящего спиной к движению (сам Данилов стоял на задней площадке). Тот смотрел на него и его букет довольно долго, не отрываясь, и откровенная злоба читалась в этом взгляде. В ответ Алексей тоже глянул весьма тяжело и понял: где-то он этого мужчину встречал раньше. Хотя за его черты невозможно было зацепиться: невыразительное, блеклое, белесое лицо. Так и не вспомнив, кто это, Данилов отвернулся к окну.

За Калужской заставой автобус свернул налево. Здесь начинались Черемушки – новый район столицы, недавно застроенный пятиэтажками. Возле новостроек торчали палочки саженцев, земля всюду была перерыта. Основу пейзажа, кроме новеньких хрущевок – гордости власти и новоселов, – составляли грязь, кинутые сквозь лужи деревянные лаги, брошенные трубы большого диаметра, забытый бульдозер, оставленный башенный кран.

Сверяясь с адресом на листочке, Данилов стал пробираться к выходу. Бросил еще один взгляд на белесого мужика и вдруг вспомнил: да это тот самый полицейский, который хотел поймать его в предыдущем сне – на улице Энского, через минуту после взрыва бомбы! Тот продолжал смотреть на него с нескрываемой ненавистью – такой, которую трудно было выдержать. Казалось, окажись у белесого винтовка – застрелил бы, не раздумывая!

Молодой человек отвернулся и стал протискиваться сквозь толпу к дверям. Их створки со скрипом открылись, и Данилов сошел с автобуса.

Нужная ему пятиэтажка находилась минутах в десяти ходьбы. Адресов на хрущевках не значилось, пришлось расспрашивать старожилы, пробирающихся, как и он, от остановки к подъездам. Народ, обычно в подобных ситуациях радушный, теперь поглядывал подозрительно: не шпион ли? – однако нехотя отвечал.

Наконец вот он, искомый дом: дверь подъезда настежь, разумеется, нет ни домофона, ни консьержки. Он взбежал по лестнице. Квартира на втором этаже. И единственная мысль в башке: «Только бы она оказалась дома!» Звонок, шаги за дверью и – да, это она, Лариса, к которой он так стремился!

Она в очень скромном ситцевом халатике на голое тело – запахивает его у горла, смеется: «Ты? Вот не ждала!» А он протягивает букетик и говорит, задыхаясь от любви и желания: «Я попрощаться. Меня призвали, завтра уйду на фронт».

Она бледнеет, а он тихонько спрашивает: «Ты одна?»

Девушка утвердительно кивает.

И тогда он, даже не сняв пальто, делает к ней шаг и заключает в объятия. Тело ее нежное, молодое, сильное. И тут, хоть Лариса и Варя совсем не похожи, он понимает, что это тело Вари.

И еще в мозг вдруг проникают откуда-то несколько мыслей, совершенно посторонних, абсолютно не относящихся к этому сну из времен военной Москвы 1962 года.

– Альфа-один, мы выдвинулись, находимся на рубеже, готовы к работе, как поняли меня?

– Я Альфа-два, понял вас хорошо, приближаемся к исходной. Ожидаемся через три минуты, как развернемся, я доложу.

– Понял тебя, Альфа-два, жду твоего доклада по готовности.

Наши дни

Варя

Данилов разбудил ее среди ночи.

– Вставай, быстро. Собирайся. Тревога.

– Что случилось? – спросила она, очнувшись.

– Пока не знаю. Но поверь, нам лучше уйти. Одевайся по-походному и бери самое необходимое.

Варвара не стала ни причитать, ни расспрашивать. Быстро натянула на голое тело камуфляж, надела кроссовки. Схватила паспорт. Данилов был уже готов, он оценил, как споро и без лишних слов она собралась.

Они выскочили из домика. Вокруг царила мгла – глаз выколи. Лагерь мирно спал. Часы показывали без пяти четыре утра. Мириады звезд сияли с хрустального, без малейших облачков, небосклона. Лениво стрекотали цикады. Казалось, мир и покой кругом.

Но тут со стороны моря донесся какой-то звук – вроде плеск, но не мирный накат волн на берег, а будто что-то или кто-то плюхается в воду. И с противоположной стороны, от грунтовой автодороги, раздался гул нескольких автомобильных моторов.

– Что происходит? – спросила Варя.

– Я не хотел бы оказаться дурным пророком, но мне кажется, нас окружают.

Варя безоговорочно ему поверила. Случая не было, чтобы Алеша в каких-то важных, судьбоносных предсказаниях ошибался.

Она не стала ахать-охать, только бросила ему: «Жди здесь!» – а сама кинулась к домику, где жил Зубцов. Данилов понял смысл ее благородного порыва. Он чувствовал, что времени крайне мало, однако не стал ее останавливать.

Варя ворвалась в домик отставника. Потеребила его за плечо:

– Подъем! Быстро!

Зубцов открыл глаза, разглядел в полутьме ее большое тело в камуфляже и пятно лица и расплылся:

– Варечка!

Она отмахнулась:

– Одевайтесь, живо, надо уходить!

Полковник в отставке, как и она сама пятью минутами ранее, не стал расспрашивать, что – чего – почему. Лишь проговорил, словно про себя, непонятное:

– Быстро они решили.

А потом, одеваясь, спросил:

– А Люба? Вы ее предупредили?

– Не до нее!

Вдвоем они выскочили из зубцовского домика, отставник устремился было к палатке, где спала его любовница – но тут и впрямь началось: вспыхнул ослепительный свет. Всю территорию мирного лагеря – домики, палатки, мангалы, машины и волейбольную площадку – осветили несколько мощнейших прожекторов. Один бил со стороны моря, еще пара – от автомобильной дороги. И раздался усиленный радиотрансляцией механический командирский голос: «Проверка паспортного режима! Все выходим из помещений с поднятыми руками!»

Данилов, Варя и Зубцов благополучно спрятались в тени домика. Варя видела: и со стороны моря, и от шлагбаума надвигаются одетые в черное люди в шлемах. Она бросила мужчинам:

– Уходим в лес, к горам. Не останавливаемся. Они, даже если заметят, стрелять не будут.

– А как же Люба? – вскинулся отставник.

– Ничего с ней не будет. Уходим.

Они побежали по траве в сторону горки, поросшей лесом. Окружавшие лагерь их не заметили. Во всяком случае, ни кричать, ни стрелять вслед не стали.

На высоте метров двадцати над мини-долиной, в которой находился лагерь, беглецы остановились. Лучи прожекторов сюда не добивали. Троица благополучно схоронилась во тьме. Зато все, что происходило внизу, на турбазе, им было видно как на ладони. Люди в черном – они были в масках, бронежилетах и с автоматами – для начала взяли под контроль периметр лагеря. Фигур восемьдесят оцепили всю территорию – никто не проскользнет. Варя поняла, что они чудом ушли за пару минут до того, как кольцо сомкнулось. Остальные спецназовцы (а по всем приметам действовал не иначе, как спецназ) стали методично обходить домики и палатки. Видимо, давали пару минут, чтобы собраться и взять документы. Затем ошарашенные туристы стали появляться близ собственных домиков. Их ставили лицом к стене, заставляли расставить ноги и довольно грубо шмонали. Варя видела, как вытащили из палатки Любу – она, единственная из немногих, возмущалась: «Что происходит? Что вы творите?» Выгнали из домика Свята с Леной. После унижительного шмона строили в цепочки человек по семь, руки каждого на плечах впереди идущего, и заставляли гуськом шагать в сторону автодороги. А там, как разглядела Варя, ждала пара автобусов с зарешеченными окнами, и бедных туристов заталкивали в них.

Через полчаса все было кончено. Обитателей базы погрузили в автобусы. Погасли освещавшие местность прожектора. Часть спецназовцев отправилась к морю. Там взревели моторы катера – теперь ему не обязательно было таиться. Те военные, что прибыли по дороге, заняли свои места в автобусах и двух джипах с прожекторами на крыше. Автобусы и армейские машины развернулись

и потянулись по склону вверх – к перевалу, к цивилизации.

– Ушли, – выдохнул Данилов. На поляне в долине оставались лишь оставленные туристами машины и личные вещи. Он спросил, обращаясь к обоим спутникам: – Что происходит?

Ему никто не ответил.

Варя, в свою очередь, повернулась к Зубцову:

– Здесь, в лагере, творилось что-то криминальное?

– Что вы имеете в виду? – не понял он.

– Что угодно. Наркотики, оружие, контрабанда, порнография.

– Вы ведь сами видели, что нет.

– Я могла видеть не все.

– Нет, нет и нет! – уверенно ответил отставник.

– Тогда что означает эта облава?

– Кому-то очень не нравится наше объединение. И наша деятельность, – без тени сомнений произнес седовласый полковник.

– Кому не нравится? И почему? – вмешался Данилов.

Зубцов только руками развел:

– У меня есть определенные догадки, но, во-первых, это лишь догадки, а во-вторых, долго рассказывать.

– Ладно, раз ответ на вопрос «кто виноват» откладывается, давайте решим другой, не менее важный: что делать?

Варя спросила скорее для проформы. На самом деле в ее голове уже успел сложиться план. Однако в нашем обществе, насквозь маскулинном и антифеминистском даже среди лучших его представителей, полезней для дела, чтобы идеи выдавали мужчины. Она всегда сможет своими вопросами и сомнениями подтолкнуть их в нужную сторону. А фактор времени сейчас решающего значения не имеет. И Варино самолюбие нисколько не пострадает, если мужики не признают ее приоритет. Главное, она сама будет понимать, что генеральная мысль принадлежит ей.

– Надо ехать выручать людей, – предложил Данилов. – Бить во все колокола. Тут какая-то ошибка.

– Боюсь, они, эти вооруженные люди, скоро вернуться, – молвил Зубцов. – Обнаружат, что меня не схватили, и возвратятся специально за лидером, то есть за мной. Так что лучше от этого места держаться подальше. Мне, во всяком случае.

– Вы совершенно правы, господа, – молвила Варя, маскируя свою собственную идею под выдуманную мужчинами. – Надо уезжать отсюда, и как можно скорее. Отсюда – я имею в виду и с берега, и из края. Ничего криминального мы явно не делали. Это чья-то благоглупость, дурацкая инициатива на местах. На всю страну она вряд ли распространяется, а здесь, на юге, мы все равно правды не добьемся, как бы дело ни обстояло. – «А как только мы доберемся до телефона, я позвоню Петренко и заставлю его вмешаться», – подумала Варя про себя, но, разумеется, вслух ничего не сказала.

Ночь продолжалась, однако легчайшие изменения пейзажа свидетельствовали о приближении рассвета. Количество звезд над головой явно уменьшилось, а небо над горами, расположенными на востоке, из антрацитово-черного начало превращаться в сероватое.

Троица спустилась в разоренный лагерь. Данилов и Варя, не сговариваясь, стали паковать вещи. Зубцов, как оказалось, прибыл сюда на своих двоих, поэтому он собрал допотопный рюкзак из брезентухи и зашвырнул его в багажник даниловской машины. Напоследок он заботливо сложил вещи Любы внутри палатки и зашнуровал ее снаружи. «Они скоро вернуться», – проговорил он, словно оправдываясь.

Наконец сели в машину. Варя не стала уступать Зубцову своего «места генеральши» – рядом с водителем, а тот не стал настаивать, расположился сзади. Шлагбаум был открыт, и они выехали на ужасного качества дорогу, ведущую круто в гору. Постепенно начало светать, и в сероватом воздухе все больше и больше расширялся кругозор, все дальше и дальше отступали от тропы деревья.

Когда они выбрались на трассу, ведущую из Энска в сторону Сочи и Краснодара, совсем рассвело.

– Отбивать наших коллег мы не поедем? – еще раз спросил Данилов.

– Они в безопасности и скоро вернутся на базу, – уверенно ответил отставник. – Силовикам был нужен я.

– А что вы такого натворили? – вроде в шутку поинтересовался Алексей, однако не дождался ответа.

Он повернул в сторону от побережья – к Краснодару, Москве.

Машин на дороге было немного. Курортный сезон закончился, и потому на раннеутренней федеральной трассе М4 преобладали фуры и другие грузовые автомобили. Иногда мимо них, с выездом на встречку, проносились отдельные припоздавшие отпускники. «Расшифровывать себя я, разумеется, ни при каких обстоятельствах не могу и не стану», – подумала Варя. А вслух сказала:

– Леша, останови, пожалуйста, на заправке. Страсть как кофе хочется. Да и перекусить не помешает.

– Хорошо, дорогая.

А она про себя прикинула:

– Даже если на колонке не окажется телефона-автомата, стрельну у кого-нибудь сотовый, отзвоню Петренко. Я просто обязана доложить полковнику, что происходит.

Полицейских засад, хоть Краснодарский край ими и славится, на обочинах не наблюдалось. Шесть утра – рановато для гаишников. Но Данилов все равно вел очень аккуратно, лишнего внимания к себе не привлекая. Они благополучно миновали перевалы и спустились на равнинную часть края. Солнце рассиялось над горизонтом, и стало казаться, что ночная облава скоро забудется, как дурной сон.

Тем обидней было, что первый же постовой, встреченный по дороге, поднял перед ними жезл и щеголевато указал на обочину – пожалуйста, мол, москвичи, на проверку. Алексей остановился. Выходить из машины не стал. Полицейский старлей тоже не спешил. Наконец подошел, небрежно козырнул, скороговоркой откомендовался. В открытое окно Данилов протянул ему документы. Гаишник даже смотреть не стал, сразу сунул в нагрудный карман гимнастерки.

Заглянул в машину, спросил:

– Кто с вами следует?

Алексей пожал плечами:

– Друзья.

Милиционер молвил:

– Попрошу документики друзей.

Данилов буркнул:

– С какой стати?

Варя успокаивающе положила ему руку на колено. Старлей внушительно проговорил:

– Объявлен план-перехват. Вы обязаны.

Зубцов, дуркуя, выкрикнул с заднего сиденья:

– А если нету у меня при себя паспорта, че теперь?

– Будете задержаны до выяснения вашей личности, – хладнокровно ответил полицейский.

– Беспредел! – стал притворно возмущаться отставник. – Творят, что хотят! – однако в карман за паспортом полез. Отдала свой документ и Варя. А Старлей в него даже не заглянул, как и в даниловские ксивы, сунул все туда же, в наружный карман – и не торопясь направился к своей машине.

Как обычно в гаишном патруле, полицейских было двое. Второй сидел в «Форде», посматривал в камеру-радар, пробивал личности задержанных по ноутбуку. Старлей отдал документы сидящему в машине старшему по званию, а сам вернулся на свое место на обочине, важно помахивая жезлом.

Троица затаилась в машине. Оставалось лишь гадать: связано ли их задержание с облавой на турбазе? Находятся ли они в розыске? Или это случайная проверка, лотерейный шарик, и их, прокачав по базам, благополучно отпустят?

В ожидании прошло пять, затем десять минут. Полицейский в «Форде» все копался с документами. Старлей остановил еще одну машину, «газельку» с ростовскими номерами, и разобрался с водителем. «Успокойся и жди, – внушала сама себе Варвара, – нам-то с Даниловым вряд ли что-нибудь грозит».

Однако Алексей оказался нетерпеливей, и не успела она его остановить, резким жестом распахнул дверцу и отправился к «Форду», внутри которого скрылись их документы. Приблизился к машине, однако не со стороны пассажирского сиденья, как положено смиренному просителю, а со стороны водителя. Варя следила за ним во все глаза.

Данилов по-хозяйски постучал в стекло. Окно опустилось. Алексей что-то спросил, – его слов ей расслышать не удалось. Потом еще несколько реплик – и гаишник вернул Данилову стопку прав-паспортов. Алексей, не глядя, сунул их в карман, а потом сказал несколько слов водителю полицейской машины и быстро, едва ли не бегом, отправился к своему джипу-паркетнику. И тут Варя с ужасом увидела, что голова сидящего за рулем полицейского вдруг безвольно опустилась набок, и сам он словно обмяк в своем кресле.

Пеший полицейский бегло оценил мизансцену – удаляющегося Данилова, своего ослабевшего напарника внутри патрульного «Форда» – и что-то заподозрив, крикнул Алексею: «Стоять!» Данилов остановился, хоть и был в двух шагах от собственной машины. Повернулся к старлею лицом. Тот подошел ближе.

– Видишь, все в порядке, нас отпустили, – молвил Алексей, разводя руками.

– А не должны были, – протянул полицейский.

– С чего бы, все ведь в порядке, – сказал Данилов и вперился прямо в зрачки гаишника. Секунда, две, три длился этот взгляд – а потом глаза старлея вдруг закрылись, и он осел на асфальт.

А в следующее мгновение Варин возлюбленный вскочил на шоферское место, бросил: «Теперь – ходу!» – и резко вырулил на трассу.

– Что ты творишь?! – прошипела Кононова. Внутри у нее поднималась муть: смесь негодования, страха и злости на Данилова.

– Ничего не поделаешь, – сквозь зубы ответил бойфренд. – Я слышал: коп в машине вызывал подкрепление, они собирались нас всех закрывать.

– Ты услышал или почувствовал? – уточнила Варя вполголоса – так, чтобы отставник на заднем сиденье не разобрал, но тот все равно, кажется, понял.

– Услышал, Варя, как есть услышал.

Разговор шел на ходу; молодой человек мчался теперь со всей возможной скоростью, на которую только был способен его автомобиль.

– Ловко ты их обоих уложил, – спокойно промолвил с заднего сиденья Зубцов. Данилов не ответил. А отставник продолжал: – Я впечатлен. Я, конечно, с такими ребятами, как ты, встречался, причем лучшими, но ты даже на их фоне хорош.

– Что же ты наделал?! – Варя схватилась за голову. – Зачем было творить такое?! – как и все женщины, она не могла не попилить возлюбленного – но в данной ситуации, нельзя не согласиться, было за что. Алексей, стиснув

зубы, молчал, лишь неся со скоростью сто пятьдесят. Она продолжила: – Уходи с трассы. Теперь мы точно в розыске.

– Сам знаю, – буркнул Данилов. На ближайшем съезде он резко затормозил и свернул направо, на второстепенную дорогу. Вздымая клубы пыли, джип помчался по проселку.

Вскоре грунтовка уперлась в персиковый сад. В нем никого не было, урожай убран. Они тормознули.

Тишина. Медленно оседает вздыбленная колесами пыль.

– Машину придется бросить, – глядя перед собой, проговорил Данилов.

– Именно, – откликнулся с заднего сиденья Зубцов. – Единственный наш шанс – уходить автобусами или попутками.

– И поодиночке, – добавила Варя.

– Почему поодиночке? – вдруг запротестовал отставник. – Мне с вами, ребята, совсем неплохо.

«Почему он не хочет с нами расставаться? – задумалась Кононова. – Откуда вдруг такая любовь? Он что, пронюхал, что я из органов? Но как? Ладно, выясним позже, а пока не будем спорить. В конце концов, моя цель – Зубцов, он не хочет разделяться, вот и не будем».

– О'кей, – почти весело сказала она. – Будем пропадать вместе. Только давайте на пять минут сделаем паузу. Попьем водички и чего-нибудь съедим. Я успела прихватить из лагеря пару яблок.

Варя порадовалась собственной хозяйственности. Собираясь в спешке, не преминула захватить южных яблок с крепчайшей кожурой, и заморских бананов, и родниковой воды в бутылке из-под «Горячего ключа» – как знала, что завтракать придется в буквальном смысле на бегу.

За поспешным перекусом они построили план действий. Догрызая яблоко, Данилов завел джип. Они вернулись к дороге, подогнали машину почти к самой трассе – однако поставили в лесополосе так, что с дороги было не видно. Взяли с собой рюкзаки и принялись голосовать.

Варя чувствовала, как утекают драгоценные моменты, и была вся нетерпение. Скоро полицейские, которых Данилов отправил в нокаут своим взглядом, очнутся, и тогда за них примутся совсем всерьез. Возлюбленный, которому передалось ее состояние, вытащил из портмоне пятитысячную банкноту и зажал в вытянутой навстречу транспорту руке.

Трюк подействовал. Первый же идущий по трассе автобус остановился. После короткого разговора с шофером, уже на ходу, стало ясно, что им повезло вдвойне: автобус вез отдыхающих, возвращающихся с курорта Суджук, в самую что ни на есть Москву!

В салоне почти все спали. Понятное дело, вчера был последний день на курорте, гуляли до упора. Кто не дремал, обвел троицу новых пассажиров мутноватым, безразличным взглядом.

Свободные места нашлись, разумеется, лишь в самом конце салона. Варя плюхнулась на сиденье рядом с молоденьким, лет двадцати, мальчиком. Она была по-прежнему страшно зла на Данилова за его выходку с гаишниками и не считала нужным это скрывать.

А он, как ни в чем не бывало, уселся на самое заднее сиденье рядом с отставником. Кононова расслышала отголоски их разговора. «Тебе, Алеша, странные сны в последнее время не снятся?» – спрашивал отставник. «С чего бы вдруг?» – «Да с того, что, как я вижу, человек ты очень особенный, не похожий на других».

Однако Данилов теперь тихарился, отмалчивался, ничего о своих сверхспособностях не рассказывал. А Варя почувствовала, какой вдруг интерес возбудил ее возлюбленный в Зубцове.

«Вот и отгадка, – думала она, – почему отставник потащился с нами, позабыв о курорте, полюбовнице своей Любе и других адептах. Думаю, он Алешей всерьез заинтересовался. И интерес этот, слава богу, не сексуальный. Его,

конечно, супервозможности Данилова привлекли. Но зачем? Экс-полковник хочет завербовать его? Изучить, по старой памяти? Но он давно в отставке. Надеется стать импресарио при экстрасенсе? Глупость какая-то». Потом ее мысли перекинулись на происшедшее на шоссе. «Есть ли шанс, – спросила она себя, – что гибэдэдэшники не станут поднимать тревогу по случаю того, что трое неизвестных странным образом их вырубил и утекли? – И сама себе ответила: – Если бы они с Даниловым и Зубцовым были обычные проверяемые, с которых гаишники надеялись срубить пару тысяч, то, возможно, те промолчали бы. Кому охота выставять себя на посмешище! Какой-то мальчишка выключил офицера на дежурстве с помощью гипноза! Но если правда то, что рассказал Данилов (а какой толк ему врать?), и полицейские впрямь хотели задержать именно нас, они, конечно, доложат о бегстве подозреваемых. А полисмены тех, кто их обижает, не прощают. Поэтому объявят нас в розыск, как миленьких. Интересно, сколько у нас есть времени? Если судить по прошлой эскапде моего ненаглядного ясновидящего, его чары длятся около часа[3 - Подробнее см. сборник повестей Анны и Сергея Литвиновых «В свободном падении»]. Плюс какое-то время, пока провернется полицейский механизм – довольно инерционный, впрочем, как и все большие системы. Наверное, два-три часа в запасе есть – из них почти час уже прошел. Да, действовать мне надо незамедлительно, иначе еще пристрелят менты при попытке к бегству...»

И она попросила у мальчика-соседа мобильный телефон:

– Мне срочно-срочно надо позвонить, я отдам тебе деньги!

– Не надо мне твоих денег, угостишь на стоянке кофе, о'кей?

– С радостью! Ты какой любишь?

– Вообще-то латте с корицей, но боюсь, у них тут, на заправках, такого нет. Поэтому меняю кофе на поцелуй.

– Я вообще-то с мужем путешествую.

– Кольца нет, значит, муж не считается.

– А ты, оказывается, шустрый и быстрый. Молодой, да ранний.

И Варя, немного неожиданно даже для себя, чмокнула малыша в щечку, еще юношески нежную, не исполосованную бритвой. И залихватски подумала: «Плевать на Данилова, пусть видит! Он мне никто, да и ведет себя кое-как».

Слегка оторопевший юноша протянул телефон и положил руку ей на коленку.

– А вот про это уговора не было, – строго проговорила она. – Убрал сейчас же, а не то сломаю! – и отшвырнула его лапку со своей ноги. Мальчик оценил мощь ее кисти и больше лезть не стал.

А Варя тем временем набрала номер Петренко.

– Папочка, здравствуй, дорогой, – защебетала она в трубку. – А у нас тут такие события! – И она в иносказательной форме доложила полковнику о том, что с ними произошло: – Представляешь, у нас в лагере вдруг сегодня ночью объявили карантин. Я думаю, дизентерия, но никому ничего не объяснили, всех в пять утра погрузили и увезли. Не знаю, кто заболел, но ночью всех срочно отправили в больничку, только мы вместе с Лешенькой и с еще одним пареньком, я о нем тебе писала, сбежали.

Петренко на другом конце провода все понял – даром, что она его разбудила:

– Спецоперация, облава в лагере? Всех туристов задержали? Вам с Даниловым и Зубцовым удалось скрыться?

– Да, папулечка! Ты меня с полуслова понимаешь! – затем она поведала о разборке с гаишниками, которая, в ее интерпретации, выглядела так: – А потом, на девятисотом километре, нас красивые ребята остановили. Алешенька с ними договорился, в своем стиле, ты знаешь, как он умеет, поэтому его машина сразу сломалась, пришлось ее оставить, едем теперь на автобусе. – Не обязательно говорить логично, можно чушь нести, собеседник, настроенный на ее волну, поймет. Плохо только, что Зубцов слышит их разговор, а он человек тоже подготовленный, запросто может догадаться, что никакому не отцу она звонит, а докладывает по инстанции. Но здесь ничего не поделаешь, пусть подозревает, все равно она никогда перед ним не раскроется. А если выбирать между двумя вероятностями – быть задержанной за нападение на сотрудника полиции или вызвать подозрение у объекта, – она, не задумываясь, предпочтет второе. Ее к работе под прикрытием не готовили, и она на это, когда поступала

в комиссию, не подписывалась. И сидеть в вонючем автозаке, в «обезьяннике» или СИЗО не хочет ни минуты. Пусть теперь Петренко ее выручает. Пусть у него голова болит, как их вызволять из истории. Поэтому в конце Варя нажала: – Чувствую я себя хорошо, только боюсь, как бы не заболеть, поэтому давай, папулечка, срочно нам лекарства прямо сюда, в Краснодарский край высылай. Мы сейчас как раз недавно столицу края проехали.

– Когда что-то выясню, я тебе перезвоню на этот номер, можно ведь? – буркнул полковник.

– Пока – да.

Варя вернула телефон младенцу.

– А ты, оказывается, заразная, – заметил он.

– Вот именно! А ты сразу целоваться. Никогда не надо спешить с этим делом, – не удержалась она от назидания, в довольно юмористической, впрочем, форме. – Лучше сначала изучить объект.

– Зараза к заразе не пристаёт, – хихикнул молодой человек, однако опасливо отвернулся к окну.

Варя закрыла глаза и постаралась уснуть. Все равно она не в состоянии теперь ничего сделать и ничего решить. Лучше заставить себя поспать, тем паче что она на ногах с четырех утра. А силы и бодрость ей, наверное, еще понадобятся.

...Разбудил ее телефонный звонок, и она во сне знала, что телефона у нее при себе нет, однако звонок по ее душу. И впрямь, юноша с соседнего кресла разбудил Варю и протянул ей трубку. У Данилова она, что ли, напилалась способностью предсказывать? Позвонить ей на чужую трубку мог лишь один человек – Петренко.

– Послушай, девочка моя, – голос полковника звучал озабоченно, словно, в самом деле, говорил родной папаша. – Ситуация несколько сложнее, чем я думал. Самое лучшее, что вы втроем можете предпринять – Зубцов ведь вместе с тобой и Даниловым находится, правильно я понял? – это высадиться из автобуса

в ближайшем населенном пункте. И перейти на нелегальное положение.

– Как это?! – возмутилась она. И добавила капризно: – Нет, папочка, мы так не договаривались!

– Тише, тише, доченька. Я обещаю тебе, это ненадолго. Я все улажу.

– Как ты себе все это представляешь?! – Варя негодовала от всей души, не давая труда себя сдерживать. – И как я все объясню моим коллегам, с которыми путешествую?!

– Папочка у тебя генерал, ты забыла? Вот тебе и объяснение. А нелегальное положение значит: снимаете жилье в частном секторе, живете какое-то время...

– Какое время?! – вне себя воскликнула она.

– День, максимум два... Не волнуйся, малышка, я все устрою. Все будет хорошо, – Петренко, видать, тоже вошел в роль заботливого папочки, раз обозвал ее «малышкой». – Купи себе телефон. Заодно и со своим новым знакомым побольше пообщаешься, поймешь, чего он по жизни хочет... Что у вас там впереди за населенный пункт?

– Мы Пластуновскую проезжаем.

– Ну вот, дальше у вас, как я вижу по карте, по ходу движения город Малинск, бывшая станция Малинская. Там и попросишь водителя остановить.

Полковник отключился, а Варя телефон сразу мальчику не вернула – быстренько подсоединилась к Сети. (Боже, как она, оказывается, соскучилась и по мобильнику, и по Интернету!) Глянула, что собой Малинск представляет, который Петренко предназначил им для убежища. Сорок тысяч жителей. Элеватор, сахарный завод, железнодорожная станция. Рядом авиабаза вертолетного полка. Не слишком подходящее местечко для убежища. Каждый приезжий на виду.

Справа и слева за окнами автобуса тянулись бесконечные кукурузные поля. Варя глянула на часы. Подумать только, нет еще одиннадцати! Немного она спала –

а день все тянется, тянется, казалось, он начался давным-давно, с побудки затемно в лагере у моря. И столько событий в себя вместил!

Она отдала соседу телефон. «Спасибо». Обернулась к Данилову с Зубцовым. Оба мужичка спали. Странно, но во сне они даже были похожи, словно отец и сын. Хотя на деле – ничего общего: Алеша курносый, широколицый, с голубыми глазами, а отставник чем-то напоминает кубанского или донского казака, ему затеряться в тутошних местах будет легко. Кто-то вроде Григория Мелехова, только сильно постаревшего и поседевшего.

Может, внешняя схожесть мужчин объяснялась тем, что лица у обоих, как у каждого спящего, были беззащитными.

«Подъем, рота!» – скомандовала Варя. Оба мгновенно открыли глаза – воистину, воинская команда оказывает магическое воздействие на мужчин, хоть Данилов, салага, в армии и не служил, разве что на военных сборах перекантовался. «Собирайтесь, мы выходим!» – сообщила Кононова.

– С какой стати?! – возмутился Данилов.

– Мой батя посоветовал, – проговорила она и, пока Алексей спросонья не ляпнул, какой, мол, батя, он ведь у тебя умер, с нажимом добавила: – Сергей Александрович советует выйти нам здесь, – как имя-отчество Петренко, Данилов знал. Авось теперь поймет, откуда исходит команда, и не станет больше задавать вопросы.

Мужчины собрали свои вещмешки. Однако когда Варя с сумкой в руке двинулась по проходу, дорогу ей преградил давешний мальчик.

– Так я не понял, – молвил он, – где мой обещанный кофе?

Глаза у него были разобиженные.

– Жаль, – вздохнула девушка, – мне правда очень жаль, но нам с друзьями пора выходить. Запиши мой номер и позвони в Москве, и мы с тобой куда-нибудь сходим. Только позвони обязательно, ладно? – и она продиктовала ему номер своего мобильного, совершенно не чураясь присутствия Данилова. А что,

формально она девушка свободная. И он за свое безответственное поведение до сих пор отнюдь не прощен.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Петренко имеет в виду историю, описанную в романе Анны и Сергея Литвиновых «Прогулки по краю пропасти».

2

Об этом можно подробнее узнать в повести Анны и Сергея Литвиновых «В свободном падении».

3

Подробнее см. сборник повестей Анны и Сергея Литвиновых «В свободном падении».

Купити: https://telnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/avatar-sud-by

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)